Научные исследования преступления и наказания

№ 2 (6) 2026

Scientific Crime and Punishment Research Journal

SCRIPJournal.ru

сетевой научно-практический журнал

Учредитель: Федеральное казенное учреждение
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»
125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. **15**а, стр. **1**.

Главный редактор**:**
доктор юридических наук
профессор **Шкабин Г.С.**
номер подписан в печать**: 16.06.2026**

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Хабаров Александр Владимирович — начальник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук
Khabarov Alexander V. — Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

Заместитель председателя редакционного совета

Шкабин Геннадий Сергеевич — главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Shkabin Gennadiy S. — Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Члены редакционного совета

Акимжанов Талгат Курманович — директор Научно-исследовательского института права при Университете «Туран», доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан, Алматы)
Akimzhanov Talgat K. — Director of the Research Institute of Law at Turan University, Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Акчурин Александр Владимирович — заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)
Akchurin Alexander V. — Deputy Head of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia for Research, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Ryazan)

Бавсун Максим Викторович — заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Bavsun Maksim V. — Deputy Head of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for research work), Doctor of Law, Professor (Russia, St. Petersburg)

Бачила Владимир Владимирович — профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Республика Беларусь, Минск)
Bachila Vladimir V. — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Гирько Сергей Иванович — исполняющий обязанности директора ЦИПБ РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва)
Girko Sergey I. — Acting Director of the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Луговик
Виктор Федорович
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Омск)

Lugovik Victor F.
Professor of the Department of Operational-Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Omsk)

Мацкевич
Игорь Михайлович
ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, государственный советник юстиции 3 класса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва)

Matskevich Igor M.
Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, State Counselor of Justice of the 3rd class, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Милюков
Сергей Федорович
профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Milyukov Sergei F.
Professor of the Department of Criminal Law The Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Law, Professor

Михайлов
Валентин Иванович
главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)

Mikhaylov Valentin I.
Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Legislation, and Judicial System at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Некрасов
Василий Николаевич
заместитель начальника Вологодского института права и экономики ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук (Россия, Вологда)

Nekrasov Vasilii N.
Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia for Academic Affairs, Doctor of Law (Russia, Vologda)

Овчинский
Владимир Семенович
советник Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)

Ovchinskiy Vladimir S.
Advisor to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Румянцев
Николай Викторович
главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Rumyantsev Nikolai V.
Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Селиверстов
Вячеслав Иванович
профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва)

Seliverstov Vyacheslav I.
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Уткин
Владимир Александрович
заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Томск)

Utkin Vladimir A.
Head of the Department of Criminal-Executive Law and Criminology of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Tomsk)

Шабанов
Вячеслав Борисович
заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)

Shabanov Vyacheslav B.
Head of the Department of Forensic Science at the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Главный редактор

Шкабин
Геннадий Сергеевич
главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Прихожая
Людмила Евгеньевна
ведущий научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук (Россия, Москва)

Prikhozhaya Lyudmila E.
Leading Researcher at the Center for Research of Security Issues in Penitentiary Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences (Russia, Moscow)

Ответственный секретарь

Туманов
Александр Сергеевич
старший научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук

Tumanov Alexander S.
Senior Researcher at the Center for the Study of Management Problems and Organization of Penal Enforcement in the Penitentiary System Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

Члены редакционной коллегии

Борков
Виктор Николаевич
начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Borkov Viktor N.
Head of the Department of Criminal Law of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Omsk)

Васильев
Эдуард Анатольевич
главный научный сотрудник центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)

Vasiliev Eduard A.
Chief Researcher at the Center for the Study of Problems of Combating Crime in the Economic Sphere of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Moscow)

Григорьев
Виктор Николаевич
ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Grigoriev Viktor N.
Leading researcher of the group for training scientific, pedagogical and scientific personnel of the office of the scientific secretary of the postgraduate and doctoral programs of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Гришко
Александр Яковлевич
профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Grishko Alexander Ya.
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at S.A. Yesenin Ryazan State University, Doctor of Law, Professor (Russia, Ryazan)

Грушин
Федор Владимирович
главный научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)

Grushin Fedor V.
Chief Researcher at the Center for the Study of Management and Organization of Punishment Execution in the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Moscow)

Дмитренко
Андрей Петрович
профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Dmitrenko Andrey P.
Professor of the Department of Criminal Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Дворянсков
Иван Владимирович
главный научный сотрудник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Dvoryanskov Ivan V.
Chief Researcher at the Center for the Study of Criminal Sentence Execution Issues and Psychological Support for the Professional Activities of Penitentiary System Employees at the Federal Penitentiary Service Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Кудрявцев
Алексей Вадимович
декан юридического факультета Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)

Kudryavtsev Alexey V.
Dean of the Faculty of Law of the Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Vladimir)

Кунц
Елена Владимировна

главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Kuntz Elena V.

Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Лесников
Геннадий Юрьевич

главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Lesnikov Gennady Yu.

Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Никонович
Сергей Леонидович

заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Nikonovich Sergey L.

Head of the Department of Criminal Procedure at the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Омелин
Виктор Николаевич

главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)

Omelin Viktor N.

Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Павличенко
Николай Владимирович

профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)

Pavlichenko Nikolay V.

Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Плешаков
Александр Михайлович

главный научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Pleshakov Alexander M.

Chief Researcher at the Center for the Study of Management and Organization of Punishment Execution in the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Ростокинский
Александр Владимирович

профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)

Rostokinskiy Alexander V.

Professor of the Department of Law at the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City Pedagogical University, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Moscow)

Сумачев
Алексей Витальевич

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Россия, Тюмень)

Sumachev Alexey V.

Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of State and Law of Tyumen State University, Doctor of Law, Professor (Russia, Tyumen)

Чистяков
Алексей Алексеевич

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Chistyakov Alexey A.

Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Шурухнов
Николай Григорьевич

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Shuruhnov Nikolay G.

Doctor of Law, Professor, Leading Researcher, Group for the Training of Scientific, Pedagogical, and Scientific Personnel, Office of the Academic Secretary of the Postgraduate and Doctoral Studies, Federal State Budgetary Institution, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Содержание

Уголовное право и криминология

Борков В.Н.	О превентивной парадигме в уголовном праве	**6**
Ищук Я.Г.	Статистическая предсказуемость преступности и проблема свободы воли: криминологический взгляд	**12**
Осокин Р.Б.	Юридико-лингвистическая модель толкования признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ	**22**
Русскевич Е.А.	О криминализации обеспечения функционирования цифровой инфраструктуры киберпреступности	**32**

Уголовно-исполнительное право

Горбань Д.В. **Ефремова О.С.**	Проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации государственного управления в уголовно-исполнительной системе	**40**
Савушкин С.М.	Меры превентивного характера в отношении осужденных, склонных к насилию	**47**
Сумачев А.В.	Особенности уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних	**53**

Оперативно-разыскная деятельность*

Епифанов С.С.	Исследование понятий в области научно-технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности	**61**

* Поскольку современная орфографическая норма русского языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, фиксируемая в нормативных словарях, предписывает написание «р**а**зыскной», а Федеральный закон № 144-ФЗ закрепляет термин «оперативно-р**о**зыскной», возникает двойственность. Анализ различных нормативных актов показывает использование обоих вариантов. Ввиду этого конфликта между утвержденной языковой нормой и неоднозначной правовой терминологией, редакция журнала допускает использование любого из вариантов, следуя написанию, принятому автором.

Научные исследования преступления и наказания
Scientific Crime and Punishment Research Journal

Борков Виктор Николаевич

начальник кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Омск
Российская Федерация

Borkov Viktor N.

Head of the Criminal Law Department
Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor

Omsk
Russian Federation

borkovv@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 4421-0714
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7583-5665

Статья поступила
в редакцию:
16.04.2026

одобрена после
рецензирования:
27.05.2026

принята
к публикации 15.06.2026

УДК 343.21

О превентивной парадигме в уголовном праве

On the preventive paradigm in criminal law

Аннотация. Актуальность. Проблема эффективности уголовно-правовой охраны общественных отношений обостряется в условиях модификации угроз государству, обществу и личности. Важным критерием ее разрешения выступает способность правоохранительной системы упреждать причинение реального и фактического вреда, пресекать криминальную деятельность до наступления необратимых общественно опасных последствий. В качестве основного нормативного инструмента здесь выступает уголовный закон, отражающий наметившуюся тенденцию криминализации ранних этапов преступной деятельности и создание для нее условий.

Целью исследования является выявление и развитие перспектив согласования классической доктрины уголовного права, ориентирующей на наказание за деяние, преимущественно уже причинившее вред того или иного рода, и формирующейся превентивной парадигмы, которая переносит акцент на недопущение общественно опасных последствий.

Результаты исследования. Показана эволюция уголовного закона в сторону модели активного упреждения преступлений, особенно в сферах государственной и общественной безопасности. Обоснована потребность в построении доктрины, непротиворечиво объясняющей и нормативно закрепляющей переход от наказания за уже причиненный вред к подавлению угроз интересам государства, общества и каждого гражданина. Сделан вывод о социальной обусловленности и необходимости криминализации ранних этапов преступной деятельности и создания для нее условий с учетом соблюдения фундаментальных принципов вины, справедливости и гуманизма.

Ключевые слова: уголовный закон, предупреждение преступлений, превентивная парадигма, призывы к преступной деятельности, организация преступной деятельности, обучение преступной деятельности, создание условий для преступной деятельности.

Abstract. Relevance. The problem of the effectiveness of criminal law protection of social relations is becoming more acute in the context of changing threats to the state, society, and individuals. An important criterion for its resolution is the ability of the law enforcement system to prevent real and actual harm and suppress criminal activity before it leads to irreversible socially dangerous consequences. The primary regulatory instrument here is criminal law, which has emerged as a trend toward criminalizing the early stages of criminal activity and creating the conditions for it.

The aim of this study is to identify and develop prospects for reconciling the classical doctrine of criminal law, which focuses on punishment for an act that has primarily already caused harm of one kind or another, with the emerging preventive paradigm, which shifts the emphasis to preventing socially dangerous consequences.

Research Results. The evolution of criminal law toward a model of active crime prevention, particularly in the areas of state and public security, is demonstrated. The need for a doctrine that consistently explains and normatively enshrines the transition from punishment for harm already caused to the suppression of threats to the interests of the state, society, and each citizen is substantiated. A conclusion is drawn regarding the social conditioning and necessity of criminalizing the early stages of criminal activity and creating conditions for it, taking into account the fundamental principles of guilt, justice, and humanism.

© Борков В.Н.

Keywords: criminal law; crime prevention; preventive paradigm; incitement to criminal activity; organization of criminal activity; training in criminal activity; creation of conditions for criminal activity.

Для цитирования: *Борков В.Н.* О превентивной парадигме в уголовном праве // Научные исследования преступления и наказания. № 2 (6). 2026. С. 6–11.

For citation: *Borkov Viktor N.* On the preventive paradigm in criminal law // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 2 (6). 2026. P. 6–11.

Введение. Актуальные научные дискуссии и современное законотворчество позволяют в качестве характерной черты уголовно-правовой борьбы с преступностью определить концептуальный сдвиг от ретроспективного возмездия к активному предупреждению. Подобный подход требует согласования классической доктрины уголовного права, ориентирующей на наказание за деяние, преимущественно, уже причинившее вред того или иного рода, и формирующейся превентивной парадигмы, которая переносит акцент на недопущение общественно опасных последствий. Реализация нового метода порождает ряд теоретических вопросов, связанных с основанием ответственности, феноменом преступления, виной и соучастием. Последние годы наметилась устойчивая тенденция дополнения уголовного закона нормами, предусматривающими ответственность за побуждение к преступной деятельности, организацию сообществ, преследующих криминальные цели, иную подготовку и способствование посягательствам непосредственно на граждан и государство.

Обсуждение и результаты. Очевидный упреждающий характер имеют уголовно-правовые запреты на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ), массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ), осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), нарушению территориальной целостности России (ст. 280^1 УК РФ), осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280^4 УК РФ), а также призывы к введению мер ограничительного характера против России и ее граждан (ст. 284^2 УК РФ). Перечисленные посягательства подрывают безопасность государства изнутри, разрушают общественное согласие и создают питательную среду для совершения особо опасных преступлений. «Для уголовно наказуемых призывов, – пишет С.Н. Фридинский, – характерными являются целенаправленность, активное воздействие на сознание, волю и поведение людей, навязывание определенных мыслей другим с указанием того, что и как им следует делать» [1, с. 23]. Представляется обоснованной криминализация самой ранней стадии реализации преступного умысла, неперсонифицированного подстрекательства и пропаганды. «Использование информационно-коммуникационных технологий существенно повышает степень общественной опасности рассматриваемых деяний, поскольку позволяет виновному обратиться с призывами к осуществлению экстремистской деятельности к значительно большему количеству людей, распространить материалы и информацию, пропагандирующие экстремизм и терроризм, среди более широкой аудитории» [2, с. 33]. Вместо того чтобы ждать, пока призывы материализуются во взрывы, погромы, захват заложников или распад территорий, государство блокирует источник угрозы, наказывая за «слова», которые объективно создают реальную опасность для общества и конкретных граждан.

В числе прочих, превентивное значение имеют нормы, запрещающие организацию и участие в деятельности террористического (ст. 205^4 УК РФ), преступного (ст. 210 УК РФ), диверсионного (ст. 281^3 УК РФ), экстремистского (ст. 282^1 УК РФ) сообществ, а также норма, предусматривающая ответственность за бандитизм (ст. 209 УК РФ). Указанные формирования создаются для совершения преступлений соответствующей направленности и само по себе их существование, а тем более функционирование, представляет угрозу общественной и государственной безопасности.

© Борков В.Н.

Пресечь возможную в будущем преступную деятельность призваны запреты на прохождение обучения в целях осуществления террористической (ст. 205^3 УК РФ) и диверсионной (ст. 281^2 УК РФ) деятельности. Обращаясь к статьям, предусматривающим ответственность за содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях ее осуществления, организацию диверсионного сообщества и участие в нем, Т.М. Лопатина отмечает, что «диверсия является разновидностью осознанной противоправной деятельности, которая осуществляется оснащенными подразделениями враждующих сторон с целью создания реальной угрозы экономической безопасности и обороноспособности противодействующего государства. Следовательно, присутствует совместность действий, как при соучастии» [3, с. 27]. Это так. Однако в отличие от общих правил соучастия, при недоведении исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам подстрекатель и пособник несут ответственность за приготовление или покушение. Преступления же, предусмотренные ст. 281^1 и 281^3 УК РФ, являются оконченными уже после совершения их субъектами деяний, описанных в данных нормах. Объясняется это тем, что предусмотренное в них поведение, характерное для организатора, подстрекателя или пособника, содержит признаки самостоятельных составов преступлений. Например, Г.С. Шкабин предлагает установить ответственность за склонение и иное вовлечение в групповое воспрепятствование деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества [4, с. 214].

Появились нормы об уголовной ответственности за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным адресатом и за оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации (ст. 275^1 и ст. 276^1 УК РФ), на что указывает В.Н. Михайлов [5, с. 47]. Первая признает оконченным преступлением ранний этап государственной измены, а именно установление сотрудничества с представителями иностранного государства, заведомо направленного против интересов России. Вторая восполняет пробел, устанавливая ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства, помогающих противнику в его посягательствах на безопасность государства. Оба запрета обладают превентивным потенциалом, направлены на предупреждение угроз безопасности государства и обеспечивают сотрудников специальных служб необходимым для этого уголовно-правовым инструментарием. Статья 275^1 УК РФ применяется, если в действиях лица отсутствуют признаки государственной измены, на что прямо указано в диспозиции. «Если после установления или поддержания конфиденциального сотрудничества, – пишет А.Г. Хлебушкин, – субъект оказал „иную помощь” иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности России, его действия квалифицируются по ст. 275 УК РФ без совокупности со ст. 275^1 УК РФ» [6, с. 65]. «Фактически „установление и поддержание сотрудничества” во враждебных России целях является приготовлением к государственной измене. Поэтому по ч. 3 ст. 30 и ст. 275 УК РФ, а не по ст. 275^1 УК РФ нужно квалифицировать действия виновного, если они непосредственно направлены на реализацию хотя бы одного из перечисленных в ст. 275 УК РФ видов изменнического поведения» [7, с. 25].

Повышена ответственность за организацию незаконной миграции в целях совершения преступления на территории нашей страны (п. «в» ч. 2 ст. 322^1 УК РФ). Указанная норма применяется «вне зависимости от места совершения и категории такого преступления»[1]. Е.А. Мельников обращает внимание на то «…что деяние, предусмотренное ч. 1 или

[1] О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 18 (ред. от 23.12.2025), пункт 10 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.09.2018 № 16-УДП18-17 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 08.04.2026).

© Борков В.Н.

ч. 2 ст. 322^1 УК РФ, совершенное организованной группой или в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений на территории Российской Федерации, отнесено законодателем к категории особо тяжких преступлений» [8, с. 16].

Создают предпосылки для предупреждения причинения более тяжкого вреда обороноспособности и безопасности государства нормы, предусматривающие ответственность за нарушение государственного контракта по государственному оборонному заказу лицом, подвергнутым административному наказанию за соответствующее административное правонарушение (ст. 201^2 УК РФ), в том числе должностным лицом (ст. 285^5 УК РФ), а также ст. 285^6 УК РФ, карающая за отказ должностного лица от заключения контракта, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа. При описании указанных посягательств законодатель использовал формальные составы. Но допущенные ранее и совершенные виновным вновь нарушения, касающиеся количества, качества, комплектности поставляемых товаров, качества выполняемых работ, оказываемых услуг, а также сроков выполнения контракта (ч. 6 ст. 7.30.3 КоАП РФ), создают угрозу причинения существенного ущерба в будущем. Применительно к расхищению общенародных средств А.В. Калитинская отмечает, что «…отдельные лица могут быть заняты планированием и организацией преступлений; другие лица могут быть заняты в создании комплекса условий, необходимых для воплощения преступного замысла; иные могут заниматься решением технических вопросов, необходимых для реализации преступных действий» [9, с. 63].

Уголовный закон дополнен рядом норм, предусматривающих ответственность за создание условий для совершения преступлений против собственности, общественной безопасности и безопасности государства, связанных с финансированием терроризма, экстремизма, оказанием финансовой помощи врагу. Подвергнуты криминализации передача из корыстной заинтересованности другим лицам для осуществления неправомерных операций средств электронного платежа, осуществление самим лицом операций по переводу денежных средств в интересах других лиц с использованием своего электронного средства платежа (ч. 3–6 ст. 187 УК РФ). Криминализация действий дропперов объясняется в первую очередь негативной качественной и количественной трансформацией цифровой преступности [10, с. 8]. «Масштабы, которые приобрело рассматриваемое негативное социальное явление, – пишет о дропперстве А.В. Архипов, – и значимость представляемых им угроз для охраняемых общественных отношений со всей очевидностью потребовали соответствующей реакции государства» [11, с. 3]. Закрепленные в нормах запреты на незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции (ст. 274^3 УК РФ), деятельность по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства (ст. 274^4 УК РФ), деятельность по передаче информации, необходимой для регистрации или авторизации в сети «Интернет» (ст. 274^5 УК РФ) создают необходимые предпосылки для уголовно-правового воздействия на лиц, предоставляющих средства совершения мошенничеств, краж, организации террористических актов и диверсий. Перечисленные деяния, хотя и создают условия для совершения других преступлений, но соучастием не являются. Лица, передающие другим электронные средства платежа, банковские счета, информацию для создания аккаунтов, не осведомлены о видах посягательств, которым они содействуют.

«Представление государства о желаемом облике общества в будущем, а не в текущий момент, – пишет М.В. Бавсун, – задает вектор его развития, а идеология служит инструментом, обеспечивающим движение в соответствии с этим вектором» [12, с. 93]. Предпринимаемые государством меры направлены на формирование превентивной парадигмы уголовно-правовой охраны. В сферу защиты наряду с жизнью, здоровьем, законными интересами граждан и материальными благами, включаются информация, связь, электронная платежная система и цифровая инфраструктура. При этом цифровизация, с одной стороны, создает

© Борков В.Н.

беспрецедентные возможности для совершения преступлений, с другой – перспективы для пресечения преступной деятельности на ранних этапах, отслеживания и прогнозирования возможных общественно опасных посягательств. «Только комплексный подход позволит эффективно противодействовать угрозам в цифровом пространстве и обеспечить надежную защиту интересов общества и государства» [13, с. 43].

Не теряет актуальности тезис А.И. Марцева о том, что «…под общественной опасностью следует понимать угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законодательством объектам, проистекающую от поведения и деятельности людей» [14, с. 9], а сама она, характеризуя сущность преступления, «…есть научная абстракция к познанию которой устремлены усилия многих ученых» [14, с. 17]. Новые угрозы и механизмы разрушения охраняемых отношений предполагают переосмысление такой фундаментальной категории как общественная опасность. Возрастает актуальность выявления деяний, создающих реальные предпосылки разрушения наиболее важных отношений, исследования допустимости криминализации опасного состояния личности, а также возможности формулирования оснований уголовной ответственности на основании косвенных признаков, презумирующих совершение преступления. «Представление об опасности правонарушения как о причинении вреда общественным отношениям или создании реальной угрозы такого причинения выступает в качестве теоретического основания для разработки правовых средств охраны наиболее важных ценностей от посягательств, совершение которых возможно с высокой долей вероятности в будущем» [15, с. 54]. Заслуживает внимания идея о допустимости превентивного уголовно-правового воздействия в отношении потенциальных нарушителей.

Заключение. Таким образом, уголовный закон эволюционирует в сторону модели активного упреждения преступлений, особенно в сферах государственной и общественной безопасности. Это требует серьезной теоретической рефлексии, так как сложившаяся практика криминализации «условий» и «ранних этапов» не всегда сочетается с классическими принципами уголовного права, требуя их адаптации к современным реалиям. Центральная теоретико-правовая проблема уголовно-правового предупреждения преступлений сегодня заключается в отсутствии доктрины, способной непротиворечиво объяснить и нормативно закрепить переход от наказания за уже причиненный вред к подавлению угроз интересам государства, общества и каждого гражданина. При этом должны оставаться незыблемыми фундаментальные принципы вины, справедливости и гуманизма.

Список используемой литературы

1. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 42 с. EDN: ZOHTWH.

2. Евдокимов К.Н. Вопросы квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (ст. 280 УК РФ) // Российский следователь. 2022. № 7. С. 31–34. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-7-31-34 EDN: HOYSHB.

3. Лопатина Т.М. Уголовная ответственность за содействие диверсионной деятельности и организацию диверсионного сообщества или участие в нем // Российский следователь. 2023. № 11. С. 25–29. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-11-25-29 EDN: ENJVJJ.

4. Шкабин Г.С. Групповое воспрепятствование деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества: предложения по совершенствованию уголовного законодательства // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 75-летию со дня рождения профессора Н.Г. Шурухнова. Рязань, 2025. С. 211–214. EDN: PNCJXI.

5. Михайлов В.И. Вопросы конструкции состава государственной измены и их влияние на квалификацию // Российский следователь. 2025. № 9. С. 45–49. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-9-45-49 EDN: VUYBUG.

6. Хлебушкин А.Г. Квалификация сотрудничества на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией и его отграничение от государственной измены // Уголовное право. 2024. № 7. С. 58–66. DOI: 10.52390/20715870_2024_7_58 EDN: NOUZLK.

7. Борбат А.В., Борков В.Н., Булатов Б.Б. Начало преступления // Российский следователь. 2024. № 10. С. 21–26. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-10-21-26 EDN: IBDESH.

© Борков В.Н.

8. Мельников Е.А. Правовое обеспечение противодействия незаконной миграции // Миграционное право. 2025. № 1. С. 15–17. DOI: 10.18572/2071-1182-2025-1-15-17 EDN: KUFRNS.

9. Калитинская А.В. Механизм совершения преступлений в сфере закупок товаров и работ за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов // Юрист. 2026. № 2. С. 61–66. DOI: 10.18572/1812-3929-2026-2-61-66 EDN: RVLWIV.

10. Сидоренко Э.Л. Борьба с дропперством: ключевые задачи уголовной политики и вопросы квалификации деяний // Мировой судья. 2025. № 12. С. 8–17. DOI: 10.18572/2072-4152-2025-12-8-17 EDN: NCFBLH.

11. Архипов А.В. Уголовная ответственность дропперов // Уголовное право. 2026. № 1. С. 3–9. DOI: 10.52390/20715870_2026_1_3 EDN: WQMAGI.

12. Бавсун М.В. Идеология государственного принуждения в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1. С. 92–100. EDN: INAXEC.

13. Семенова И.В. К вопросу о привлечении к ответственности индивидуального предпринимателя по статье 274.2 Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2025. № 4. С. 40–44. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-4-40-44 EDN: FAADJL.

14. Марцев А.И. Преступление: социально-правовой анализ : учебное пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2012. 75 с. ISBN 978-5-88651-527-5. EDN WPGFBZ.

15. Борков В.Н., Москаленко Г.Е. Общественно опасное состояние лица как юридический факт и основание ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 54–59. DOI: 10.24412/1999-625X-2023-188-54-59 EDN: DOFJWS.

References

1. Fridinsky, S.N. "Counteracting Extremist Activity (Extremism) in Russia (A Social, Legal, and Criminological Study): Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Moscow, 2011. 42 p.

2. Evdokimov, K.N. "Qualification of Public Calls to Engage in Extremist Activity Committed with the Use of Information and Communication Technologies (Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // Rossiyskiy Investigator. 2022. № 7. pp. 31–34.

3. Lopatina, T.M. "Criminal Liability for Assisting Sabotage Activities and Organizing a Sabotage Community or Participating Therein" // Rossiyskiy Investigator. 2023. № 11. pp. 25–29.

4. Shkabin, G.S. Group obstruction of the activities of an institution providing isolation from society: proposals for improving criminal legislation // Criminal Procedure and Forensic Science: Legal Foundations, Theory, Practice, Didactics: A Collection of Abstracts of Speeches and Reports by Participants of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of Professor N.G. Shurukhnov. Ryazan, 2025. pp. 211–214.

5.. Mikhailov V.I. Issues of the Construction of the Elements of High Treason and Their Impact on Qualification // Russian Investigator. 2025. № 9. pp. 45–49.

6. Khlebushkin A.G. Qualification of Confidential Cooperation with a Foreign State, International or Foreign Organization and Its Distinction from High Treason // Criminal Law. 2024. No. 7. pp. 58–65.

7. Borbat A.V., Borkov V.N., Bulatov B.B. Beginning of a Crime // Russian Investigator. 2024. № 10. pp. 21–26.

8. Melnikov E.A. Legal Framework for Combating Illegal Migration // Migration Law. 2025. № 1. pp. 15–17.

9. Kalitinskaya A.V. The Mechanism for Committing Crimes in the Sphere of Procurement of Goods and Works at the Expense of the Federal Budget for the Construction and Reconstruction of Railway Facilities // Jurist. 2026. № 2. pp. 61–66.

10. Sidorenko E.L. Combating Droppering: Key Tasks of Criminal Policy and Issues of Qualification of Acts // Magistrate. 2025. № 12. pp. 8–17.

11. Arkhipov A.V. Criminal Liability of Droppers // Criminal Law. 2026. № 1. pp. 3–9.

12. Bavsun, M.V. Ideology of State Coercion in the Criminal-Legal Sphere of Regulation of Public Relations // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1. pp. 92–100.

13. Semenova, I.V. On the Issue of Bringing an Individual Entrepreneur to Liability under Article 274.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian Investigator. 2025. № 4. pp. 40–44.

14. Martsev, A.I. Crime: Social and Legal Analysis: A Study Guide. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 75 p.

15. Borkov V.N., Moskalenko G.E. Socially dangerous condition of a person as a legal fact and basis for liability // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 29, № 1(88). P. 54–59.

© Борков В.Н.

Научные исследования преступления и наказания
Scientific Crime and Punishment Research Journal

Ищук Ярослав Григорьевич

главный ревизор КРУ МВД России
кандидат юридических наук, доцент

Ischuk Yaroslav G.

Chief Auditor of the Control and Audit Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

CC BY NC

Статья поступила в редакцию: 05.05.2026
одобрена после рецензирования 09.06.2026
принята к публикации 15.06.2026

Москва
Российская Федерация

Moscow
Russian Federation

Yar-vyatka@yandex.ru
SPIN-код (РИНЦ) 6017-2278
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4749-8566

УДК: 343.97

Статистическая предсказуемость преступности и проблема свободы воли: криминологический взгляд

Statistical Predictability of Crime and the Problem of Free Will: A Criminological View

Аннотация. Актуальность. Проблема соотношения свободы воли индивида и статистической предсказуемости преступности на макроуровне является одной из фундаментальных в криминологии и философии права. Разрешение кажущегося противоречия между законом больших чисел, демонстрирующим устойчивость криминальных проявлений, и принципом субъективного вменения, требующим свободы выбора, необходимо для теоретического обоснования уголовной ответственности и эффективного планирования превентивных мер.

Цель. Теоретическое обоснование компатибилистского подхода к пониманию свободы воли в контексте криминологической детерминации, доказывающего, что макростатистическая предсказуемость преступности обусловлена инерционностью общественных условий и не отменяет индивидуальной моральной и юридической ответственности.

Методы. Исследование базируется на теоретическом анализе философской и криминологической литературы, компаративном анализе концепций свободы воли, а также на интерпретации официальных статистических данных о динамике преступности (на примере России и США).

Выводы. Обосновано, что статистические закономерности (закон больших чисел) отражают вероятностный фон, формируемый социально-экономическими условиями, а не фатальную предопределенность индивидуальных поступков. Установлено, что свобода воли, понимаемая в компатибилистском ключе (как способность действовать в соответствии со своими мотивами), является необходимым микроуровневым условием возникновения макростатистического порядка. Доказано, что математическое прогнозирование преступности служит инструментом социальной превенции, не подменяя собой принцип личной виновной ответственности.

Ключевые слова: закон больших чисел, теория вероятностей, криминология, свобода воли, детерминизм, социальная статистика.

Abstract. Relevance. The problem of the relationship between an individual's free will and the statistical predictability of crime at the macro level is one of the fundamental issues in criminology and the philosophy of law. Resolving the apparent contradiction between the law of large numbers, which demonstrates the stability of criminal manifestations, and the principle of subjective imputation, which requires freedom of choice, is necessary for the theoretical justification of criminal liability and the effective planning of preventive measures.

Objective. To provide a theoretical justification for a compatibilist approach to understanding free will in the context of criminological determination, proving that the macro-statistical predictability of crime is caused by the inertia of social conditions and does not negate individual moral and legal responsibility.

Methods. The research is based on a theoretical analysis of philosophical and criminological literature, a comparative analysis of the concepts of free will, as well as the interpretation of official statistical data on crime dynamics (using the examples of Russia and the United States).

© Ищук Я.Г.

Conclusions. It is substantiated that statistical regularities (the law of large numbers) reflect a probabilistic background formed by socio-economic conditions, rather than a fatal predetermination of individual actions. It is established that free will, understood in a compatibilist sense (as the ability to act in accordance with one's motives), is a necessary micro-level condition for the emergence of a macro-statistical order. The study proves that the mathematical forecasting of crime serves as a tool for social prevention without supplanting the principle of personal culpability.

Keywords: law of large numbers, probability theory, criminology, free will, determinism, social statistics.

Для цитирования: *Ищук Я.Г.* Статистическая предсказуемость преступности и проблема свободы воли: криминологический взгляд // Научные исследования преступления и наказания. № 2 (6). 2026. С. 12–21.

For citation: *Ischuk Yaroslav G.* Statistical Predictability of Crime and the Problem of Free Will: A Criminological View // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 2 (6). 2026. P. 12–21.

Введение. Актуальность темы. В криминологии давно замечено, что массовые преступные проявления подчиняются устойчивым статистическим закономерностям: уровень преступности в стране или регионе колеблется в предсказуемых пределах, а структура видов преступлений сохраняет относительное постоянство. Однако тот же закон больших чисел, который позволяет государству планировать ресурсы для борьбы с преступностью, порождает философско-правовой парадокс: если поведение больших групп людей столь точно ложится на графики, не означает ли это, что свобода воли отдельного человека – лишь иллюзия? Если свободы нет, то нарушается принцип субъективного вменения, лежащий в основе уголовной ответственности. Разрешение этого парадокса необходимо как для философского обоснования наказания, так и для корректного использования статистических прогнозов в правоприменительной практике.

Обзор литературы. Проблема соотношения детерминизма и свободы воли имеет давнюю традицию. В современной философии сложились три основных подхода: 1) жесткий инкомпатибилизм – отрицание свободы воли на основе детерминизма (D. Pereboom [1]); 2) либертарианство – утверждение свободы воли как несовместимой с детерминизмом (R. Kane [2]); 3) компатибилизм – совмещение свободы и детерминизма (D.C. Dennett [3]). В российской науке указанная проблематика нашла свое отражение в работах Д.Г. Подвойского [4], Я.И. Гилинского [5] и других ученых. В криминологии связь статистической предсказуемости и свободы воли обсуждалась фрагментарно. Настоящее исследование восполняет этот пробел.

Методы исследования. Работа выполнена в русле теоретического анализа философской, юридической и криминологической литературы с элементами компаративистского подхода (сопоставление трех концепций свободы воли). Использованы методы интерпретации статистических данных (динамика преступности в России и США, корреляция с безработицей), а также логический анализ аргументов «везения» и «интуиции справедливости». Эмпирическую базу составили официальные статистические сборники и данные зарубежных исследований.

Цель и задачи исследования. Цель – показать, что математическая предсказуемость преступности на уровне общества не только не отрицает свободу выбора, но и логически требует ее существования. Задачи: 1) разграничить и критически оценить основные подходы к свободе воли; 2) объяснить устойчивость статистических закономерностей инерционностью общественной среды; 3) на эмпирических данных продемонстрировать, что закон больших чисел описывает совокупность свободных решений, а не фатальную предопределенность; 4) обосновать компатибилистскую позицию как наиболее адекватную для криминологии и уголовного права.

© Ищук Я.Г.

Основное содержание. Детерминизм – это учение об объективной закономерной взаимосвязи и причинной обусловленности всех явлений[1]. Он рассматривает общество как упорядоченную систему социальных отношений, а индивида и его поведение – как продукт социальных и производственных условий, что обосновывает детерминистский подход к закономерностям человеческой воли и действий. В данном контексте верно утверждение Б.С. Волкова, что поведение и мотивация человека детерминированы общественным бытием: представления о добре и зле обусловлены общественно-историческими и материальными условиями, а не врожденными моральными чувствами [6, с. 64].

Одним из существенных элементов механизма детерминации человеческого поведения является свобода выбора как способность субъекта активно влиять на окружающую действительность, изменять ход событий [7, с. 30]. Свобода воли – способность человека выбирать вариант поведения из множества возможных и отвечать за сделанный выбор, оценивая свои действия.

Важно оговорить, что в современной философии и нейронауке понятие свободы воли является дискуссионным [8, 9, 10]. Эксперименты B. Libet [11] и последующие исследования (D.M. Wegner [12, 13]) показывают, что мозг принимает решение за доли секунды до того, как человек осознает свой выбор. Это порождает инкомпатибилистскую[2] позицию – отрицание свободы воли в ее классическом понимании.

Жесткий инкомпатибилизм (классический детерминизм) настаивает: детерминизм истинен, свободы воли нет, а моральная ответственность – иллюзия [1]! Но эта позиция входит в противоречие с повседневной юридической практикой и интуицией справедливости, а также не учитывает, что нейронаучные данные (например, потенциал готовности Либета [11]) показывают лишь бессознательную подготовку к действию, но не отменяют способность человека к рациональному вето или переоценке мотивов.

Кроме инкомпатибилистского направления, существует также ряд учений, которые важно рассмотреть в контексте нашей дискуссии. Либертарианство утверждает, что свобода воли существует и несовместима с детерминизмом, а детерминизм ложен. Человек выступает «перводвигателем» своих действий [2]. Однако главный контраргумент против либертарианства – аргумент везения: если действие не детерминировано прошлым, то оно случайно, а случайность не дает контроля над поступком и подрывает моральную ответственность не меньше, чем детерминизм.

Компатибилизм доказывает, что свобода воли и детерминизм (или статистическая закономерность) совместимы. Свобода здесь понимается не как «независимость от причин», а как способность действовать в соответствии со своими желаниями, ценностями и рассуждениями без внешнего принуждения.

В данной статье мы исходим из компатибилистской позиции (D.C. Dennett [3]), согласно которой свобода воли совместима с детерминизмом или статистической закономерностью, если понимать ее как способность действовать в соответствии со своими желаниями и мотивами без внешнего принуждения. Под свободой воли здесь понимается не «независимость от причин», а управляемость собственными мотивационно-ценностными установками: человек действует без принуждения, в состоянии понимать основания выбора, соотносить последствия и отвечать за сделанное решение. Именно это определение работает в уголовном праве: вменяемый человек отвечает за поступок, если он не действовал под гипнозом, в психозе или под прямой угрозой жизни.

---

[1] Криминология: словарь-справочник / сост. Х.-Ю. Кернер; под ред. А. И. Долговой. М., 1998. 391 с. С. 29

[2] Инкомпатибилизм (от англ. incompatible – несовместимый), позиция относительно проблемы свободы воли, согласно которой свобода и/или моральная ответственность несовместимы с детерминизмом. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/inkompatibilizm-ff5248 (дата обращения: 27.04.2026).

© Ищук Я.Г.

Применение математических закономерностей (в частности закона больших чисел) при анализе социальных процессов переводит дискуссию в плоскость правоприменения. На первый взгляд, строгая графическая предсказуемость массового поведения может поставить под сомнение доктрину вины. Ведь ключевая идея, лежащая в основе принципа субъективного вменения, состоит в том, что субъектом преступления признается только свободное лицо. Если такая свобода отсутствует и полностью замещается математической предопределенностью, то человека невозможно ни винить в содеянном, ни привлекать к ответственности [14, с. 259].

Однако компатибилистская позиция позволяет разрешить это противоречие. Наша мысль заключается в том, что математическая предсказуемость на уровне общества не только не отрицает свободу выбора, но и логически требует ее существования. Статистические закономерности остаются устойчивыми не из-за какой-либо ключевой детерминированности человеческих судеб. Объяснение следует искать в характеристиках общественной среды: она выступает системообразующим фактором, формирующим условия, в которых индивиды самостоятельно принимают решения.

При таком подходе статистическая предсказуемость показывает лишь то, что множество людей, находящихся в сходных условиях, чаще выбирают сходные варианты поведения, но не фиксирует, какой выбор будет сделан конкретным лицом в конкретный момент. Такой подход гармонично вписывается в принцип личной ответственности за свои действия или бездействия.

В контексте нашего рассуждения правильнее говорить о вероятности наступления определенных действий, которые уже могут квалифицироваться как преступные. Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «преступен» сам по себе изначально, по своему содержанию, независимо от социального контекста. Именно государство придает определенному действию или бездействию статус преступления.

Статистика преступности показывает, как устроена совокупность деяний (на уровне групп): какие доли случаев и в каких временных/географических интервалах встречаются чаще. Однако статистическая закономерность не равнозначна индивидуальной причинной модели, со стопроцентной вероятностью предопределяющей поведение конкретного лица. Для индивида сохраняется пространство выбора, обусловленного причинами, мотивам и обстоятельствами. Статистика лишь оценивает, какие исходы вероятнее всего произойдут при определенных обстоятельствах.

Общественные условия влияют на решения индивида через два ключевых механизма. Во-первых, ближайшее социальное окружение задает нормы и ожидания (например, в группе пораженной криминальной субкультурой, криминальные модели поведения воспринимаются как приемлемые или даже престижные, провоцируя преступное поведение). Во-вторых, институциональная среда ограничивает реальные возможности: низкий уровень образования, отсутствие рабочих мест и недоверие к правоохранительным органам сужают спектр «законных» выборов (например, в моногородах с упадочной экономикой люди нередко идут на преступления не из-за злой воли, а из-за отсутствия альтернатив, созданных социально-экономическими условиями).

Классический закон больших чисел (теорема Чебышёва [15]) требует независимости и одинаковой распределенности случайных величин. Строго говоря, преступные деяния не являются независимыми событиями (например, легализации преступных доходов (ст. 174^1 УК РФ) всегда предшествует предикатное преступление), а их характеристики меняются во времени. Поэтому в криминологии закон больших чисел используется для обозначения эмпирически наблюдаемой устойчивости относительных частот при большом числе наблюдений. Более точным было бы говорить о «статистических закономерностях, объяснимых наличием и изменениями общественной среды».

© Ищук Я.Г.

Поскольку преступные деяния не являются независимыми событиями, а их вероятностные характеристики изменяются с течением времени, то нами закон больших чисел используется не в строгом вероятностно-математическом смысле, а как обозначение эмпирического феномена. При увеличении объема относительных повторений преступлений сводные показатели преступности (уровень/структура) демонстрируют определенную устойчивость и предсказуемость на макроуровне.

Иными словами, речь идет не о строгих математических формулах, а о социальной стабильности. Общество меняется медленно, создавая предсказуемый фон. Это позволяет прогнозировать уровень преступности в целом, но ни в коем случае не предопределяет поведение каждого отдельного человека.

Сущность Закона больших чисел [16, с. 5] заключается в стабилизации случайностей. Хотя каждое отдельное преступление – это уникальный акт, рожденный стечением обстоятельств, характера и временного выбора, но их совокупность подчиняется строгим закономерностям.

Эта стабильность проявляется двояко:

в объеме: уровень преступности в крупном городе, регионе, стране, за вычетом периодов кризисов, колеблется в узком коридоре;

в структуре: соотношение видов преступлений (кражи, грабежи, убийства) демонстрирует удивительное постоянство.

Таблица 1

Количество преступлений в России[3]

Макрорегионы Российской Федерации	Общее количество преступлений по регионам России			
	2015	2017	2019	2020
Российская Федерация	2 388 476	2 058 476	2 024 337	2 044 221
Центральный ФО	556 490	462 824	455 741	461 567
Северо-Западный ФО	219 220	227 877	188 924	186 032
Южный ФО	193 702	201 919	213 700	219 457
Северо-Кавказский ФО	72 306	75 969	69 820	75 497
Приволжский ФО	490 394	451 206	392 114	389 913
Уральский ФО	251 664	229 510	201 747	196 304
Сибирский ФО	418 983	422 926	364 252	299 554
Дальневосточный ФО	129 346	134 418	116 225	155 092

Таблица 2

Зарегистрировано преступлений против личности в России

	2020	2021	2022	2023	2024
ВСЕГО	**65066**	**59576**	**58255**	**55880**	**51578**
Темпы прироста (снижения) в % к предыдущему году	-4,7	-8,4	-2,2	-4,1	-7,7
к 2020	-	-8,4	-10,5	-14,1	-20,7
Удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений, в %	3,2	3,0	3,0	2,9	2,7

[3] Выбор интервала 2015–2020 годы для анализа российской статистики обусловлен необходимостью проследить динамику преступности в условиях относительной макросоциальной стабильности. Последующие годы (начиная с пандемии COVID-19 и начало СВО в 2022 году) характеризуются искажением социальной среды и требуют самостоятельного криминологического изучения.

© Ищук Я.Г.

Таблица 3

Зарегистрировано преступлений против собственности в России

	2020	2021	2022	2023	2024
ВСЕГО	**1220806**	**1195838**	**1169495**	**1136957**	**1040969**
Темпы прироста (снижения) в %: к предыдущему году	4,1	-2,0	-2,2	-2,8	-8,4
к 2020	-	2,0	-4,2	-6,9	-14,7
Удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений, в %	59,7	59,7	59,5	58,4	54,5

Таблица 1 демонстрирует динамику общей преступности с 2015 по 2020 год, а Таблицы 2 и 3 детализируют статистику по ключевым видам преступлений (против личности и собственности) в новейший период с 2020 по 2024 год[4]. Следует обратить внимание на то, что вместо статичного «узкого коридора» мы видим выраженное снижение почти на 14 % с 2015 по 2020 год. Однако плавность этого снижения и отсутствие хаотичных скачков подтверждают нашу гипотезу. Именно компатибилизм позволяет объяснить этот феномен: каждый год тысячи людей в сходных социальных условиях делают свой выбор, и плавная эволюция этих условий создает устойчивый макростатистический тренд.

Однако на первый план все же выходят устойчивые закономерности, которые определяются ключевыми общественными факторами: уровнем бедности, безработицы, доступностью социальных программ, и т.д. Поскольку эти факторы меняются постепенно, общая картина преступности и правопорядка остается относительно стабильной. Именно на эту устойчивость опирается государство при планировании ресурсного обеспечения реализации уголовной политики [17, с. 29]. Закон больших чисел не предсказывает, что случится с конкретным человеком. Он показывает, как при большом количестве случаев проявляются устойчивые статистические закономерности; он описывает устойчивость условий, в которых индивиды принимают решения.

Например, возьмем данные об уровне имущественных преступлений в США с 1991 по 2024 год[5] и данные о безработице[6]:

Таблица 4

Год	Уровень безработицы (%)	Имущественные преступления (на 100 000)
1991	6,8	5 140
1992	7,5	5 130
2000	4,0	3 650
2008	5,8	3 350
2009	9,3	3 340
2010	9,6	3 290
2020	8,1	2 100
2023	3,6	1 950
2024	4,0	1 760

Видно, что в 1990-е годы наблюдался высокий уровень безработицы и пик преступлений. В стабильные 2000-е отмечается постепенное снижение обоих показателей, а кризис 2008–2010 годов привел к резкому росту безработицы, что замедлило темпы снижения преступности. 2023 и 2024 годы демонстрировали низкий уровень безработицы и минимальное количество преступлений за этот период.

[4] Статистический сборник. Преступность и правонарушения (2020–2024). Москва 2025. 177 с.

[5] Данные об уровне имущественных преступлений в США. URL: https://archive.ourworldindata.org/20251212-164304/grapher/property-crime-rate-us.html (дата обращения 01.03.2026).

[6] Статистика труда США. URL: https://fred.stlouisfed.org/series/UNRATE (дата обращения 17.04.2026).

© Ищук Я.Г.

Как справедливо отмечает профессор Я.И. Гилинский, социальные системы нелинейны и стохастичны. Корреляция на макроуровне не противоречит тому, что на микроуровне каждый конкретный случай преступления зависит от множества уникальных факторов [5]. Другими словами, безработица повышает вероятность имущественных преступлений в группе, но не предопределяет поступок отдельного человека. Это различие между групповой тенденцией и индивидуальным выбором – ключевое для всей нашей аргументации. Безусловно, выделять безработицу как универсальный регулятор преступности в корне неверно. Тезисно отразим идеи профессора Я.И. Гилинского [5], которые подтверждают это:

1. Невозможность выделения единой причины преступности обусловлена сложностью социальных систем. Общественные процессы нелинейны и стохастичны – в них нельзя четко проследить жесткую причинно-следственную связь, как в простых механических системах. По сложности они ближе к квантовой физике, чем к классической механике.

2. Преступность – искусственный социальный продукт. Ее границы и содержание определяются законодателем и меняются во времени и пространстве. Поэтому искать специфическую причину преступности бессмысленно: это либо приводит к слишком общим формулировкам («весь социально-экономический строй»), либо к банальности («причина преступности – уголовный закон»).

3. Преступность объединяет крайне разнородные действия (от убийства до незаконной порубки деревьев) – их связывает только формальный признак: нарушение уголовного запрета. Признак «общественной опасности» расплывчат и не работает без ссылки на закон. Следовательно, не может быть общей причины для столь разнородных явлений.

Закон больших чисел наглядно демонстрирует макросоциальную природу преступности: при анализе крупных выборок населения исследователь может с высокой долей вероятности спрогнозировать общую долю лиц, которые совершат правонарушения. При этом математический закон принципиально не способен определить, кто именно из этой выборки преступит закон, что полностью сохраняет за индивидом свободу воли.

Так, при оценке риска рецидива у осужденных используют инструменты вроде шкалы LS/CMI. Она анализирует факторы: криминальное прошлое, социальное окружение, наличие зависимостей, уровень образования, трудоустройство и т.д. На основе этих данных система присваивает баллы и выдает прогноз: «люди с таким профилем рецидивируют в 65 % случаев». Важно понимать: это статистическая вероятность. Для каждого из тех, кто попал в эти 65 %, сохраняется 35 % шанс избежать рецидива – и этот шанс во многом зависит от его личного выбора, силы воли, общественных изменений и других обстоятельств.

Вероятностное прогнозирование отвечает на вопрос «как часто в среднем происходит исход при сходных условиях». Но оно не отвечает на вопрос «какой исход неизбежно реализуется в каждом конкретном случае» (онтологическая предопределенность). Поэтому статистическая закономерность сама по себе не отменяет моральную и юридическую ответственность, если признается, что у индивида остается способность действовать исходя из причин, включая мотивы и выбор.

Таким образом, математические методы позволяют прогнозировать общие тенденции преступности, но не дают возможности предсказать противоправное поведение конкретного человека. Полученные прогнозы служат основой для планирования профилактических мер: они помогают определить необходимый объем ресурсов – от стандартных программ участковых уполномоченных до специальных оперативно-розыскных мероприятий.

Закон больших чисел применим и в виктимологическом направлении. Математика помогает в построении виктимологических карт, такие системы как PredPol[7] анализируют

[7] Прогнозирующая полицейская деятельность. URL: https://sls.eff.org/technologies/predictive-policing (дата обращения 01.03.2026).

© Ищук Я.Г.

данные прошлых преступлений, чтобы вычислить «горячие точки» на карте. Они предсказывают не конкретную жертву, а место и время потенциального преступления.

Таким образом, индивид обладает свободой выбора, но осуществляет его в рамках социального, экономического, политического поля. Закон больших чисел лишь описывает совокупный результат миллионов свободных решений, принятых в сходных внешних условиях. Преступник ответственен за свой поступок, но общество не может игнорировать свою роль в создании среды, где такие поступки становятся статистически более вероятными.

Свобода воли и статистическая предсказуемость не отменяют, а дополняют друг друга, существуя на разных уровнях общественной действительности:

1) на микроуровне действует принцип личной ответственности и вины, основанный на свободе выбора и доказанной вине конкретного человека;

2) на макроуровне действует принцип социальной ответственности, требующий от общества менять те самые инерционные «стенки сосуда» – структурные условия, которые формируют рискованный вероятностный фон.

Именно компатибилистский подход позволяет устранить противоречия между естественными и юридическими науками:

1) Он согласуется с данными естественных наук. Признание того, что физиологические процессы в мозге подчиняются причинно-следственным законам, в рамках компатибилизма не отменяет выводы уголовно-правовых наук о личной ответственности субъекта.

2) В отличие от либертарианства, этот подход не требует от человека невозможного – быть абсолютно независимым от факторов внешней среды или своего прошлого.

3) Он защищает правовые институты наказания и превенции. Для науки уголовного права важна не метафизическая свобода от причинности, а способность вменяемого лица осознавать свои мотивы и контролировать свои поступки.

4) Он объясняет макросоциологические данные. Предсказуемость преступности на макроуровне не опровергает компатибилизм, а, напротив, признается естественным результатом сложения миллионов самостоятельных правовых решений индивидов.

В криминологии математические методы выполняют диагностико-аналитическую функцию. Они позволяют измерить влияние социально-экономических и демографических факторов на динамику преступности, не предполагая при этом жесткой предопределенности личного выбора. Выявленные статистические корреляции служат научным обоснованием для общей профилактики правонарушений: они показывают, как с помощью превентивных социальных и правовых мер можно нейтрализовать факторы риска и стимулировать законопослушное поведение граждан.

Заключение. Проведенное исследование позволило разрешить противоречие между законом больших чисел и принципом субъективного вменения в уголовном праве и подтвердить гипотезу о том, что макростатистическая предсказуемость преступности отражает состояние общественной среды, а не предопределенность индивидуального поведения. Основные результаты исследования сводятся к следующим положениям:

1. Стабильность уровня и структуры преступности обусловлена инерционностью макросоциальных факторов (экономических, институциональных, демографических). Они формируют вероятностный фон, который определяет границы, но не конкретный результат человеческого поведения.

2. На микроуровне (уровне личности) компатибилистски понятая свобода воли сохраняется в полном объеме. Преступление остается актом волевого выбора субъекта, основанным на его внутренних ценностях и мотивах.

3. Эмпирическое действие закона больших чисел в криминологии возможно именно благодаря вариативности индивидуальных решений. Если бы поведение людей было жестко

© Ищук Я.Г.

детерминировано внешними причинами, социальные процессы подчинялись бы линейным, а не вероятностным законам.

Практико-правовое значение полученных выводов заключается в том, что макростатистические тенденции не могут служить основанием для пересмотра принципа субъективного вменения: уголовная вина всегда носит персональный характер. Вместе с тем признание связи между параметрами среды и рисками криминализации возлагает на государство обязанность по целенаправленному изменению этих условий. Использование современных прогностических математических алгоритмов позволяет своевременно выявлять криминогенные «горячие точки» и оптимизировать систему общей профилактики правонарушений.

Список используемой литературы

1. Pereboom D. Living Without Free Will [Жизнь без свободы воли] / D. Pereboom. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2001. (Cambridge Studies in Philosophy). URL: https://assets.cambridge.org/97805217/91984/frontmatter/9780521791984_frontmatter.pdf (дата обращения 07.06.2026).

2. Kane R.A Contemporary Introduction to Free Will [Современное введение в проблему свободы воли]. New York; Oxford : Oxford University Press, 2005. 31 p. URL: https://iap.li/wp-content/uploads/2018/05/Kane_Free_Will.pdf (дата обращения 07.05.2026).

3. Dennett D.C. Freedom Evolves. NY, 2003. 368 p.

4. Подвойский Д.Г. Почему социальная жизнь объяснима, но непредсказуема, или как свобода рождает детерминизм? // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 159–169. EDN: KSUZOY.

5. Гилинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2. С. 382–398. EDN: MVBWPX.

6. Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. 136 с.

7. Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность / В. А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 157 с.

8. Basumatary D. Daniel C. Dennett's Compatibilism: integrating evolutionary free will, deterministic causality, and the foundations of moral agency [Компатибилизм Дэниела Деннета: интеграция эволюционной свободы воли, детерминистской причинности и основ моральной агентности] // Journal of Open Learning and Research Communication. 2024. Vol. X, № 9. P. 37–57. URL: https://www.academia.edu/144930360/DANIEL_C_DENNETTS_COMPATIBILISM_INTEGRATING_EVOLUTIONARY_FREE_WILL_DETERMINISTIC_CAUSALITY_AND_THE_FOUNDATIONS_OF_MORAL_AGENCY (дата обращения 07.06.2026).

9. Franks D. Neurosociology. The Nexus Between Neuroscience and Social Psychology [Нейросоциология: связь между нейробиологией и социальной психологией]. NY et al., 2010. 216 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-5531-9 URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-4419-5531-9 (дата обращения 11.05.2026)

10. Mwiine S. The Concept of Free Will [Концепция свободы воли] / S. Mwiine // Academia.edu : электронная платформа для публикации научных работ. 2024. 3 Aug. URL: https://www.academia.edu/122545222/THE_CONCEPT_OF_FREE_WILL (дата обращения 21.05.2026)

11. Libet B. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential): the unconscious initiation of a freely voluntary act [Время осознанного намерения действовать в соотношении с началом церебральной активности (потенциал готовности): бессознательная инициация свободно-волевого акта] / B. Libet // Brain. 1983. Vol. 106, Pt 3. P. 623–642. DOI: 10.1093/brain/106.3.623. URL:https://www.federvolley.it/sites/default/files/Brain-1983-LIBET%20-%20Time%20of%20consious%20intention%20to%20act%20in%20relation%20to%20onset%20of%20cerebral%20activity.pdf (дата обращения: 23.04.2026).

12. Wegner D.M. The Illusion of Conscious Will [Иллюзия сознательной воли] / D. M. Wegner. – Cambridge, Mass.; London : The MIT Press, 2002. 440 p. (Bradford Books). ISBN 978-0-262-23222-7. URL: https://mitpress.mit.edu/9780262232227/the-illusion-of-conscious-will/ (дата обращения: 23.04.2026).

13. Soon C.S. Unconscious determinants of free decisions in the human brain [Бессознательные детерминанты свободных решений в человеческом мозге] / C.S. Soon, M. Brass, H.-J. Heinze, J.-D. Haynes // Nature Neuroscience. 2008. Vol. 11, № 5. P. 543–545. DOI: 10.1038/nn.2112. URL: https://www.nature.com/articles/nn.2112 (дата обращения: 23.04.2026).

14. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Общая часть / А.А. Пионтковский. М., 1961. 666 с.

© Ищук Я.Г.

15. Chebyshev P. Des valeurs moyennes [Средние значения] // Journal de mathematiqu es pures et appliqu es. Liouville. 2nd Series. XII. (1867), pp. 177–184. URL: https://gtfp.net/pulskamp/Chebyshev/1866.pdf (дата обращения 27.04.2026)

16. Кулиева Г.Т., Ниязова Ж.Н.К. Закон больших чисел и предельные теоремы // Наука и образование сегодня. 2025. № 2(83). С. 4–7. EDN: OYIZUF.

17. Ищук Я.Г., Кирьяков А.М. Ресурсное обеспечение механизма реализации уголовной политики // Российский следователь. 2019. № 7. С. 28–33. EDN: JTKPPO.

References

1. Pereboom D. Living Without Free Will [Жизнь без свободы воли] / D. Pereboom. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2001. (Cambridge Studies in Philosophy). URL: https://assets.cambridge.org/97805217/91984/frontmatter/9780521791984_frontmatter.pdf (дата обращения 07.06.2026).

2. Kane R.A Contemporary Introduction to Free Will [Современное введение в проблему свободы воли]. New York; Oxford : Oxford University Press, 2005. 31 p. URL: https://iap.li/wp-content/uploads/2018/05/Kane_Free_Will.pdf (дата обращения 07.05.2026).

3. Dennett D.C. Freedom Evolves. NY, 2003. 368 p.

4. Podvoisky, D.G. “Why is Social Life Explainable but Unpredictable, or How Freedom Gives Birth to Determinism?” // Sociological Studies. 2024. No. 7. pp. 159–169. EDN: KSUZOY.

5. Gilinsky, Ya.I. “The Genesis of Crime. The Problem of Causality in Criminology” // Russian Yearbook of Criminal Law. 2008. No. 2. pp. 382–398. EDN: MVBWPX.

6. Volkov, B.S. “The Problem of Will and Criminal Liability”. Kazan: Kazan University Publishing House, 1965. 136 p.

7. Nomokonov, V.A. “Criminal Behavior: Determinism and Responsibility.” Vladivostok: Dalnevost Publishing House. University, 1989. 157 p.

8. Basumatary D. Daniel C. Dennett's Compatibilism: integrating evolutionary free will, deterministic causality, and the foundations of moral agency [Компатибилизм Дэниела Деннета: интеграция эволюционной свободы воли, детерминистской причинности и основ моральной агентности] // Journal of Open Learning and Research Communication. 2024. Vol. X, № 9. P. 37–57. URL: https://wwwacademia.edu/144930360/DANIEL_C_DENNETTS_COMPATIBILISM_INTEGRATING_EVOLUTIONARY_FREE_WILL_DETERMINISTIC_CAUSALITY_AND_THE_FOUNDATIONS_OF_MORAL_AGENCY (дата обращения 07.06.2026).

9. Franks D. Neurosociology. The Nexus Between Neuroscience and Social Psychology [Нейросоциология: связь между нейробиологией и социальной психологией]. NY et al., 2010. 216 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-5531-9 URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-4419-5531-9 (дата обращения 11.05.2026)

10. Mwiine S. The Concept of Free Will [Концепция свободы воли] / S. Mwiine // Academia.edu : электронная платформа для публикации научных работ. 2024. 3 Aug. URL: https://www.academia.edu/122545222/THE_CONCEPT_OF_FREE_WILL (дата обращения 21.05.2026)

11. Libet B. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential): the unconscious initiation of a freely voluntary act [Время осознанного намерения действовать в соотношении с началом церебральной активности (потенциал готовности): бессознательная инициация свободно-волевого акта] / B. Libet // Brain. 1983. Vol. 106, Pt 3. P. 623–642. DOI: 10.1093/brain/106.3.623 URL: https://www.federvolley.it/sites/default/files/Brain-1983-LIBET%20-%20Time%20of%20consious%20intention%20to%20act%20in%20relation%20to%20onset%20of%20cerebral%20activity.pdf (дата обращения: 23.04.2026).

12. Wegner D.M. The Illusion of Conscious Will [Иллюзия сознательной воли] / D. M. Wegner. – Cambridge, Mass.; London : The MIT Press, 2002. 40 p. (Bradford Books). ISBN 978-0-262-23222-7. URL: https://mitpress.mit.edu/9780262232227/the-illusion-of-conscious-will/ (дата обращения: 23.04.2026).

13. Soon C.S. Unconscious determinants of free decisions in the human brain [Бессознательные детерминанты свободных решений в человеческом мозге] / C.S. Soon, M. Brass, H.-J. Heinze, J.-D. Haynes // Nature Neuroscience. 2008. Vol. 11, № 5. P. 543–545. DOI: 10.1038/nn.2112. URL: https://www.nature.com/articles/nn.2112 (дата обращения: 23.04.2026).

14. Piontkovsky A.A. The doctrine of crime under Soviet criminal law. General part / A.A. Piontkovsky. Moscow, 1961. 666 p.

15. Chebyshev P. Des valeurs moyennes [Средние значения] // Journal de mathematiques pures et appliqu es. Liouville. 2nd Series. XII. (1867), pp. 177–184. URL: https://gtfp.net/pulskamp/Chebyshev/1866.pdf (date of access 27.04.2026).

16. Kulieva G.T., Niyazova J.N.K. The Law of Large Numbers and Limit Theorems // Science and Education Today. 2025. No. 2(83). Pp. 4–7. EDN: OYIZUF.

17. Ishchuk Ya.G., Kiryakov A.M. Resource Support for the Mechanism for Implementing Criminal Policy // Russian Investigator. 2019. No. 7. Pp. 28–33. EDN: JTKPPO.

© Ищук Я.Г.

Научные исследования преступления и наказания
Scientific Crime and Punishment Research Journal

Осокин Роман Борисович

профессор кафедры «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор юридических наук, профессор

Москва
Российская Федерация

Osokin Roman B.

Professor of the Department of "Security in the Digital World", Bauman Moscow State Technical University, Doctor of Sciences in Law, Professor

Moscow
Russian Federation

osokinr@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 8909-7128
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8954-6576

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
одобрена после рецензирования 30.04.2026
принята к публикации 15.06.2026

УДК: 343.348

Юридико-лингвистическая модель толкования признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ

A Legal-Linguistic Model for Interpreting the Objective Elements of the Crime Provided for in Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation

Аннотация. Актуальность. В статье исследуются терминологические признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, как необходимое условие правильной уголовно-правовой квалификации деяний, посягающих на общественную нравственность, память умерших и установленный порядок обращения с телами умерших и местами их захоронения. Обосновывается, что отсутствие легальных дефиниций категорий «надругательство», «уничтожение», «повреждение» и «осквернение» обусловливает неоднородность доктринальных подходов, вариативность судебной практики и затрудняет разграничение смежных составов преступлений. На основе сопоставления словарно-языкового содержания указанных терминов, научных позиций и судебных актов автор выявляет бинарную структуру объективной стороны ст. 244 УК РФ, включающую деяния, причиняющие материально-физический вред, и деяния, причиняющие нравственно-символический вред. Особое внимание уделяется проблемам разграничения повреждения и осквернения, уничтожения и повреждения, а также надругательства над телом умершего и действий, направленных на сокрытие основного преступления. Подчеркивается конституционно-правовая значимость охраны памяти умерших и мест захоронения как элемента защиты общественной нравственности.

Научная новизна исследования состоит в разработке комплексной юридико-лингвистической модели толкования признаков состава преступления, корреспондирующей доктрине и судебной практике.

В качестве научно-практического результата обосновывается необходимость дополнения ст. 244 УК РФ примечанием с нормативными дефинициями соответствующих терминов. Кроме того, формулируются критерии квалификации, основанные на предмете посягательства, характере воздействия, направленности умысла и правилах разграничения совокупности со смежными составами.

Цель. Формирование комплексной юридико-лингвистической модели толкования терминологических признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, для обеспечения единообразия правоприменительной деятельности.

Методы. В основу исследования положены формально-юридический метод, системный анализ актуальной судебной практики, а также лингвистический (семантический) анализ словарно-языкового содержания диспозиции уголовно-правовой нормы.

Делается вывод, что предложенный подход способен повысить единообразие правоприменения, качество обвинения, предсказуемость судебных решений и эффективность уголовно-правовой охраны общественной нравственности.

Ключевые слова: надругательство над телами умерших, осквернение мест захоронения, уничтожение и повреждение мест захоронения, уголовно-правовая квалификация, общественная нравственность.

© Осокин Р.Б.

Abstract. Background. The article examines the terminological features of the objective elements (actus reus) of the crime provided for in Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation as a necessary condition for the correct criminal-legal classification of acts infringing upon public morality, the memory of the deceased, and the established procedure for handling corpses and burial sites. It is substantiated that the lack of legal definitions for the categories of "outrage", "destruction", "damage", and "desecration" causes a heterogeneity of doctrinal approaches, variability in judicial practice, and complicates the differentiation of related offenses. Based on a comparison of the dictionary-linguistic content of these terms, scientific positions, and judicial acts, the author identifies a binary structure within the objective elements of Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation, encompassing acts that cause material-physical harm and acts that cause moral-symbolic harm. Particular attention is paid to the problems of distinguishing between damage and desecration, destruction and damage, as well as the outrage upon a corpse and actions aimed at concealing a primary crime. The constitutional and legal significance of protecting the memory of the deceased and burial sites as an element of safeguarding public morality is emphasized.

The scientific novelty of the research consists in the development of a comprehensive legal-linguistic model for interpreting the elements of the offense, corresponding to legal doctrine and judicial practice.

As a scientific and practical result, the necessity of supplementing Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation with a note containing normative definitions of the relevant terms is substantiated. In addition, qualification criteria are formulated based on the object of the encroachment, the nature of the impact, the direction of intent, and the rules for distinguishing the totality of crimes from related offenses.

Objective. The formation of a comprehensive legal-linguistic model for interpreting the terminological features of the objective elements of the crime provided for in Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation to ensure uniformity in law enforcement activities.

Methods. The study is based on the formal legal method, a systematic analysis of current judicial practice, as well as a linguistic (semantic) analysis of the dictionary-linguistic content of the criminal-legal norm's disposition.

The conclusion is drawn that the proposed approach can enhance the uniformity of law enforcement, the quality of prosecution, the predictability of judicial decisions, and the effectiveness of the criminal-legal protection of public morality.

Keywords: outrage upon corpses; desecration of burial sites; destruction and damage of burial sites; criminal-legal classification; public morality.

Для цитирования: *Осокин Р.Б.* Юридико-лингвистическая модель толкования признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ // Научные исследования преступления и наказания. № 2 (6). 2026. С. 22–31.

For citation: *Osokin Roman B.* A Legal-Linguistic Model for Interpreting the Objective Elements of the Crime Provided for in Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 2 (6). 2026. P. 22–31.

Введение. Преступление, предусмотренное ст. 244 УК РФ, относится к числу деяний, посягающих не только на установленный порядок обращения с телами умерших и местами их захоронения, но и на фундаментальные нравственные основы общества, выражающиеся в уважении к памяти умершего, традициям погребения и религиозно-культурным ценностям. В условиях трансформации социальных отношений, роста случаев вандализма и девиантного поведения, а также расширения форм проявления противоправных действий, особую значимость приобретает корректное и единообразное толкование признаков объективной стороны данного состава преступления. Именно терминологическая определенность таких категорий, как «надругательство», «уничтожение», «повреждение» и «осквернение», являющихся признаками объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, выступает ключевым условием обеспечения законности и обоснованности уголовно-правовой квалификации.

Вместе с тем отсутствие легальных дефиниций и их недостаточная разработанность в юридической науке обусловливают необходимость углубленного теоретического осмысления и выработки унифицированных подходов к их интерпретации. В этом контексте настоящее исследование направлено на формирование системного представления

© Осокин Р.Б.

о терминологическом содержании признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, как необходимого элемента повышения качества уголовно-правового регулирования и правоприменительной деятельности.

Во-первых, терминологическая неопределенность влечет фрагментарность доктринальных позиций. В научной литературе «надругательство» раскрывается через признаки грубого и/или циничного отношения к телу умершего, нарушающего общественную нравственность [1, с. 213]; при этом перечень форм в разных источниках не совпадает, а граница между надругательством и посткриминальным сокрытием следов основного преступления (например, убийства) остается дискуссионной[1].

Во-вторых, объективная сторона альтернативно описывает имущественно-предметные («уничтожение», «повреждение») и нравственно-оценочные («осквернение») воздействия, причем в судебных актах нередко наблюдается подмена одного признака другим либо их недопустимое смешение. Показательна практика, в которой суды, оценивая конкретные действия на кладбище (например, перемещение или разбрасывание предметов, изъятие флага, нарушение порядка на месте захоронения), приходят к различным выводам: одни квалифицируют содеянное как повреждение, исключая осквернение ввиду недостаточности доказательств глумливого либо циничного компонента[2]; другие, напротив, пытаются охватить одним термином («осквернение») неоднородные по юридической природе действия, включая повреждение и хищение[3].

В-третьих, актуальность напрямую связана с задачами защиты общественной нравственности и уважительного отношения к памяти умерших. Конституционно-правовой контекст подтверждает повышенную социальную значимость охраны указанных отношений: Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что надругательство над телами умерших и осквернение мест захоронения закономерно отнесены к преступлениям против общественной нравственности и подлежат уголовно-правовому преследованию[4].

Следовательно, установление терминологических особенностей признаков объективной стороны ст. 244 УК РФ представляется необходимым для доктрины – как условие построения непротиворечивой модели состава и разграничения смежных составов, а также для правоприменительной практики – как средство снижения квалификационной вариативности, повышения предсказуемости судебных решений и обеспечения единообразия доказывания.

Научная новизна обусловлена тем, что в рамках исследования терминологические признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, рассматриваются в единой логике юридико-лингвистической и уголовно-правовой интерпретации, с опорой на сопоставление словарно-языкового значения терминов; доктринальных подходов; судебных подходов к описанию деяний и их квалификации.

Во-первых, обосновывается тезис о необходимости структурного разведения внутри диспозиции ст. 244 УК РФ двух групп альтернативных деяний – причиняющих материально-физический вред (уничтожение, повреждение) либо причиняющих нравственно-символический вред (надругательство, осквернение).

---

[1] О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Рос. газ. 1999. 9 февраля. № 24.

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.09.2018 № 16-УДП18-17 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 08.04.2026).

[3] Постановление Мичуринского городского суда Тамбовской области от 23.07.2024 по делу № 1-153/2023 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 08.04.2026).

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2007 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е. Х. Кармовой» // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2007. № 4.

© Осокин Р.Б.

Во-вторых, предлагается комплексный проект законодательной конкретизации ст. 244 УК РФ посредством включения примечания с дефинициями «надругательство», «уничтожение», «повреждение», «осквернение» как значимых для квалификации терминов.

В-третьих, формулируются практические критерии квалификации в ситуациях неоднородности фактических действий: когда в рамках одного события присутствуют признаки повреждения, осквернения и хищения, а также когда осквернение сопровождается специальным мотивом ненависти или вражды (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ).

Тем самым научная новизна состоит в предложении унифицированной интерпретационной модели, корреспондирующей как доктрине, так и актуальным судебным подходам, и пригодной для нормативного закрепления.

Обсуждение. Анализ словарно-языкового значения терминов объективной стороны преступлений по ст. 244 УК РФ. Преступление, предусмотренное ст. 244 УК РФ, в качестве объективной стороны предполагает деяния в форме действий, включающие в себя надругательство над телами умерших, а также уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний, связанных с погребением умерших или их поминовением, или надмогильных сооружений [2, с. 18].

Семантическая основа терминов, используемых в ст. 244 УК РФ, а именно «надругательство», «осквернение», «уничтожение», «повреждение», прослеживается уже на уровне общеязыковых дефиниций.

В большинстве толковых словарей под надругательством понимается оскорбительное, грубое издевательство[5]. При этом, как указано в толковом словаре С. Н. Ожегова, надругательство – это оскорбительное и грубое издевательство, в том числе кощунство, под которым понимается уничижительное отношение к чему-нибудь почитаемому всеми, например, к святыне[6]. Что же касается включаемых в состав надругательства понятий, то под оскорбительным выражением Е.В. Михалевич подразумевает употребление бранных, неприличных слов и фразеологизмов, которые противоречат правилам поведения в обществе [3, с. 61], а термин «грубое издевательство» означает уничижительное поведение по отношению к кому-либо или чему-либо, а также оскорбительный дерзкий поступок[7].

Термин «осквернение» в словаре русского языка определяется как нарушение чистоты чего-либо, унижение, оскорбление, запятнание чем-либо[8]; кроме того, он может быть раскрыт через синонимический ряд – подвергнуть поруганию, опозорить, уничтожить, запятнать[9].

Согласно определениям толковых словарей «уничтожение» подразумевает прекращение существования кого-нибудь или чего-нибудь, истребление[10], а термин «повредить»

---

[5] Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1998. 831 с. С. 347; Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К-О / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 36 с. С. 646.

[6] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: АСТ Мир и образование, 2020. 736 с. С. 380.

[7] Даль В.И. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание. М.: Эксмо, 2014. 736 с. С. 250; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011. 928 с. С. 135, 232; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2007. 943 с. С. 146, 240.

[8] Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К-О / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 736 с. С. 646.

[9] Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1998. 831 с. С. 390; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2007. 943 с. С. 462.

[10] Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. С. 1390; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1998. 831 с. С. 741; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2007. 943 с. С. 834.

© Осокин Р.Б.

понимается как причинение вреда, порча, поломка[11]. Стоит отметить, что эти определения не описываются в таких словарях, как краткий юридический словарь[12] и энциклопедические юридические словари[13], что можно истолковать как пробел определения этих юридических терминов, в том числе применительно к ст. 244 УК РФ.

Уже на этом уровне видна бинарность: надругательство и осквернение описывают именно поругание (ценностный компонент, связанный с причинением нравственно-символического вреда), тогда как уничтожение и повреждение соотносятся с физическим состоянием объекта и, соответственно, причинением материально-физического вреда.

Доктринальные и судебные подходы к содержанию терминов объективной стороны преступления по ст. 244 УК РФ. Уголовно-правовая доктрина под надругательством над телами понимает совершение безнравственных физических действий виновных лиц, выражающихся в извлечении трупа из могилы, глумлении над останками человека, самовольном перезахоронении или кремации, обнажении или расчленении тела, изъятии предметов, связанных с ритуалом погребения, а также иными подобными действиями, которые согласно обычаям, установившимся на территории Российской Федерации, оскорбляют память умершего и чувства его близких [4, с. 54; 5, с. 155]. Надругательство над телом умершего может совершаться как до погребения тела, так и после извлечения трупа из места захоронения [6, с. 256].

Особый интерес представляет мнение А.В. Наумова, который считает, что надругательство является выполнением по отношению к телу умершего человека аморальных, антиобщественных деяний, а именно: выкапывание трупа из могилы, разделения тела на части и нанесение ему различных увечий, введение в полости трупа посторонних предметов, в том числе хищение с трупа различных предметов, вещей и драгоценностей [7, с. 476].

Судебная практика свидетельствует, что надругательство над телом умершего может помимо вышеперечисленного включать разнообразные формы расчленения трупа[14], глумление над трупом[15] и совершение полового сношения с трупом[16]. В правоприменении надругательство над телом умершего подтверждается также через действия сексуализированного характера либо причинение посмертных повреждений, совершаемые не как характерное для основного преступления, а как отдельное глумливое действие. Так, в практике[17] описывается

---

[11] Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. С. 853; Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011. 928 с. С. 509; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: АСТ Мир и образование, 2020. 736 с. С. 529; Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К-О / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 736 с. С.162.

[12] Краткий юридический словарь / отв. ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2008. 560 с.

[13] Юридический энциклопедический словарь / под ред. О.Е. Кутафина. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 559 с.; Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. 2-е изд. М., 1998. 368 с.

[14] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 13.03.2002 № 1100-П01 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис»; Кассационное определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2009 № 38-о09-22. (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 24.07.2025); Апелляционное определение Московского городского суда от 25.02.2015 № 10-1066/15 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис».

[15] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 13.03.2002 № 1100-П01 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис»; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.12.2006 № 35-о06-64 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис»; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2013 № 49-о13-7 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 24.07.2025); Апелляционное определение Московского городского суда от 25.02.2015 № 10-1066/15 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис».

[16] Кассационное определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.07.2005 № 69-о05-27 (Документ официально опубликован не был) //НПП «Гарант-сервис»; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.08.2013 № 37-АПУ13-4 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 24.07.2025).

[17] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2018 № 74-АПУ18-7 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 07.04.2026).

© Осокин Р.Б.

ситуация, где лицо под угрозой расправы было принуждено к имитации полового акта с умершей; действия квалифицировались по совокупности с применением ст. 244 УК РФ, что показывает признание судами сексуализированного глумления как формы надругательства. Обращает на себя внимание позиция кассационной инстанции[18], где подчеркивается необходимость учета непосредственного объекта и признаков объективной стороны ст. 244 УК РФ при оценке действий обвиняемого (то есть недопустимость формального присоединения ст. 244 УК РФ без анализа фактического глумливого содержания действий).

Существенной проблемой также является отсутствие стабильного критерия разграничения:

– надругательства и действий по сокрытию преступления (например, перемещение, расчленение, уничтожение частей тела как способ сокрытия);

– надругательства и иных форм обращения с телом, обусловленных мотивом, отличным от глумления (например, прагматический мотив устранения следов).

В результате в отдельных ситуациях ст. 244 УК РФ либо избыточно вменяется, либо, напротив, необоснованно исключается из квалификации.

Что касается осквернения, то таковое в уголовно-правовой доктрине также обычно связывается не столько с материальным ущербом, сколько с совершением циничных, безнравственных действий, направленных на уничижение памяти об умершем и демонстрацию явного неуважения к социальным и религиозным представлениям о погребении [1, с. 205]. Подобные действия могут выражаться в нанесении оскорбительных надписей, символов, демонстративном загрязнении, глумливом обращении с атрибутами памяти (венки, флаги, крест), совершении иных актов, имеющих выраженное символическое (уничижительное) содержание.

Например, суд указал на неконкретизированность обвинения и на недопустимость описания в рамках формулы «осквернение» действий, фактически выходящих за ее пределы (повреждение имущества на месте захоронения, возможное мелкое хищение отдельных предметов, нанесение рукописной надписи с признаками вражды и др.), а также отметил выход описания за рамки предъявленного обвинения – осквернения. Кроме того, для квалификации осквернения и в целях отграничения от повреждения мест захоронения указывалось на необходимость определить характер и размер вреда. В результате дело возвращено прокурору для устранения препятствий рассмотрения[19].

Термин «осквернение» нередко используется как обобщающая категория для описания разнородных действий, что затрудняет пределы доказывания, провоцирует процессуальные дефекты обвинения, а также мешает разграничению с преступлениями против собственности (хищение) и с повреждением имущества. Судебные акты формально предлагают разграничение: повреждение – частичное разрушение или порча; осквернение – противоречащие моральным устоям действия[20], однако в делах малой физической интенсивности квалификация зависит от того, признается ли само нарушение порядка на месте захоронения материальным повреждением либо ценностным поруганием.

Отечественное законодательство не устанавливает определение понятия «уничтожение», но, исходя из доктринальных позиций [4, с. 58; 8, с. 17; 9, с. 471] и судебной практики[21],

[18] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.09.2018 № 16-УДП18-17 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 08.04.2026).

[19] Постановление Мичуринского городского суда Тамбовской области от 23.07.2024 по делу № 1-153/2023 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 08.04.2026).

[20] Апелляционное постановление Тамбовского районного суда Амурской области от 18.12.2024 по делу № 10-9/2024 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 08.04.2026).

[21] Апелляционное определение Судебной Коллегии по гражданским делам Мурманского областного суда от 25.04.2012 по делу № 33-850 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 30.07.2025); Постановление Дзержинского городского суда Нижегородской области от 18.05.2011 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 30.07.2025).

© Осокин Р.Б.

под этим термином следует понимать разрушение мест захоронения и надмогильных сооружений либо кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний погребения или поминовения умерших, а именно: при невозможности их последующего восстановления в связи с приведением в полную негодность виновными лицами или же полном уничтожении, в результате чего их невозможно больше использовать по прямому назначению.

При этом повреждение мест захоронения либо надмогильных сооружений, а также кладбищенских зданий, которые предназначены для церемоний погребения или поминовения усопших, подразумевает умышленное причинение вреда в виде незначительной поломки или частичного нанесения повреждений, порчи мест захоронения при условии того, что не исключается реальная возможность восстановления прежних качеств вещи [10, с. 375; 11, с. 106–107; 12, с. 66]. Например, суд, анализируя действия (разбрасывание венков и цветов; изъятие флага; отсутствие существенных повреждений креста), признал доказанным повреждение места захоронения, но не установил доказательств осквернения, указывая на отсутствие соответствующего умысла и смысловой направленности действий[22].

Практика демонстрирует риск размывания содержания термина «уничтожение», когда в качестве такового квалифицируются действия, фактически являющиеся повреждением (то есть объект сохраняет возможность восстановления). Отсутствие легального ориентира (полная либо частичная утрата свойств) усиливает вариативность квалификации, особенно при оценке стоимости или восстановления памятников и оград.

Кроме того, на практике повреждение может подменяться формулировкой «нарушение порядка на могиле» без достаточной фиксации материального ущерба или изменения состояния объекта; в иных случаях, наоборот, не учитывается нравственный компонент деяния и оно сводится лишь к повреждению. Это приводит к разнонаправленным решениям при сходных фактических ситуациях.

Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, характеризуется специфическим терминологическим наполнением, правильное толкование которого обусловливает надлежащую правовую оценку соответствующих деяний.

Систематизация практических проблем и направления совершенствования ст. 244 УК РФ. Сопоставление доктрины и судебных актов позволяет выделить три устойчивых блока проблем.

1) *Отсутствие легального разграничения повреждения и осквернения*. Судебная практика фактически вынуждена конструировать критерии ситуативно. При этом в одном случае, например, нарушение порядка на месте захоронения квалифицируется как повреждение при отсутствии доказанного оскверняющего умысла; в другом – в содержание осквернения включаются повреждение и хищение, что влечет неоднородность правоприменения.

2) *Расхождение в понимании уничтожения* как полной утраты свойств объекта. В отсутствие дефиниции граница между уничтожением и повреждением становится оценочной, что способно порождать вариативную квалификацию при сопоставимых фактах (особенно по объектам, подлежащим восстановлению).

3) *Неустойчивость инкриминирования надругательства над телом умершего* при совокупности с насильственными преступлениями и при действиях, направленных на сокрытие следов.

Учитывая указанное, предлагается внести изменения в ст. 244 УК РФ, направленные на:

а) введение легальных дефиниций ключевых терминов в примечании;

б) снижение рисков смешения осквернения с повреждением или хищением при квалификации преступления.

[22] Апелляционное постановление Тамбовского районного суда Амурской области от 18.12.2024 по делу № 10-9/2024 (Документ официально опубликован не был) // НПП «Гарант-сервис» (дата обращения: 08.04.2026).

© Осокин Р.Б.

Представляется целесообразным дополнить ст. 244 УК РФ примечанием следующего содержания:

«*Примечание.*

1. Под надругательством над телами умерших следует понимать противоправные и аморальные деяния, а именно: развратные, непристойные, издевательские, унижающие честь и достоинство, светлую память умершего, а также совершение оскорбительных деяний по отношению к умершему и его останкам, актов некрофилии и некрофагии (каннибализма) и иных деяний.

2. Под уничтожением мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, понимается приведение их в состояние полной утраты целостности или функционального назначения, исключающее восстановление для использования по назначению.

3. Под повреждением мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, понимается частичное нарушение их целостности или функционального состояния, не исключающее восстановление для использования по назначению.

4. Под осквернением мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, понимаются умышленные действия, выражающие явное неуважение к памяти умершего и общественной нравственности, направленные на поругание мест захоронения и (или) связанных с ним предметов памяти, в том числе нанесение оскорбительных надписей, символов, изображений, демонстративное загрязнение либо иные циничные действия, независимо от причинения материального ущерба».

В обоснование предложенной модели могут быть приведены следующие аргументы:

1) введение предложенных дефиниций снижает вариативность толкований оценочных терминов и корреспондирует доктринальным подходам к пониманию уничтожения, повреждения, осквернения как самостоятельных форм объективной стороны преступления по ст. 244 УК РФ;

2) выделение осквернения как символического (нравственно-уничижительного) деяния предотвращает ситуацию, когда в его содержание включаются повреждение и хищение без процессуальной конкретизации.

Рекомендации и критерии квалификации по анализируемым понятиям. Для унификации правоприменения представляется целесообразным использовать следующие критерии (в качестве ориентиров квалификации и доказывания), согласуемые с приведенными доктринальными и судебными подходами.

1) Критерий предмета:

– телесный объект (тело, останки) – преступление потенциально квалифицируется как надругательство;

– объекты мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением – преступление может быть квалифицировано как уничтожение, повреждение, осквернение.

2) Критерий характера воздействия:

– причинение материально-физического вреда, повлекшего утрату или нарушение целостности – преступление может быть квалифицировано как уничтожение или повреждение (в зависимости от степени утраты);

– причинение нравственно-символического вреда (надписи, знаки, демонстративное загрязнение, акт глумления) – преступление может быть квалифицировано как осквернение;

© Осокин Р.Б.

– перемещение предметов, нарушение порядка без доказанного уничижительного смысла – при наличии умысла может образовывать повреждение (если затронут элемент места захоронения), но само по себе не подтверждает осквернение.

3) Критерий смысловой направленности и умысла:

– для осквернения и надругательства требуется доказывание прямого умысла, направленного на демонстрацию неуважения или глумления;

– отсутствие доказательств такого умысла (при фактическом бытовом нарушении порядка) препятствует квалификации как осквернение.

4) Критерий совокупности со смежными составами: в ситуациях, когда изъятие предметов с могилы образует признаки хищения, а повреждение – признаки преступлений против собственности, требуется решение вопроса о конкуренции или совокупности, при этом недопустимо смешение хищения и повреждения в одном понятии осквернения без надлежащей конкретизации обвинения и установленного вреда.

Заключение. 1. Термины «надругательство», «уничтожение», «повреждение», «осквернение», используемые в диспозиции ст. 244 УК РФ, обладают высокой оценочной вариативностью и межотраслевым характером; отсутствие легальных дефиниций выступает самостоятельным фактором неоднородности доктринальных и судебных интерпретаций.

2. Судебная практика демонстрирует, что при сходных фактических обстоятельствах суды по-разному проводят границу между повреждением и осквернением: в одних делах осквернение исключается ввиду отсутствия доказательств соответствующего умысла и направленности на причинение нравственно-символического вреда, в других – попытка охватить осквернением повреждение и хищение приводит к признанию квалификации неверной.

3. Уничтожение и повреждение требуют нормативного разграничения по критерию полной либо частичной утраты целостности и функционального назначения объекта; отсутствие такого критерия способствует неоднородности квалификации, особенно применительно к надмогильным сооружениям, подлежащим восстановлению.

4. Надругательство над телами умерших в правоприменении подтверждается, в частности, через действия сексуализированного характера либо иные формы глумления; при этом очевидны необходимость строгого учета признаков объективной стороны ст. 244 УК РФ и недопустимость формального вменения нормы без анализа фактических действий.

5. Предложенное введение примечания к ст. 244 УК РФ с дефинициями ключевых терминов является направлением законодательного совершенствования, способным повысить единообразие квалификации, качество обвинения и предсказуемость судебных решений, что соответствует потребностям доктрины и правоприменения.

Список используемой литературы

1. Макарова Ю.В. Надругательство как конструктивный признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 244 Уголовного кодекса РФ: понятие, признаки, формы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 2 (95). С. 212–221. EDN: FIEQHF.

2. Алимирзаев Э.А. К вопросу о формах преступления, предусмотренного ст. 244 УК Российской Федерации // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 17–21. EDN: GJYXRO.

3. Михалевич Е.В. Роль лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Мониторинг правоприменения. 2013. № 2. С. 60–62. EDN: QBXOTB.

4. Битель Я.Н. Надругательство над телами умерших и местами их захоронения // Матрица научного познания. 2021. № 10-2. С. 51–62. EDN: DEGHCA.

5. Сорокина Ю.В. Понятие надругательства над телами умерших: проблемы теоретического определения // Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по материалам XXIX международной научно-практической конференции (25 сентября 2013 г.). Новосибирск: Сиб. АК, 2013. № 9 (29). С. 152-156. EDN: RCBADL.

6. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография / Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2019. 336 с. ISBN: 978-5-9516-0863-5 EDN: NVUEHL.

7. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2026. 564 с. (Высшее образование).

© Осокин Р.Б.

ISBN 978-5-534-18550-8. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/585633 (дата обращения: 26.04.2026).

8. Джемелинский В.А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования надругательств над телами умерших и местами их захоронений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 40 с. EDN: NJUJWV.

9. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / С.В. Землюков [и др.]; ред. В. С. Комиссаров. СПб.: Питер, 2008. 718 с. ISBN: 978-5-469-01524-6 EDN: QXLQYT.

10. Давыдова Е. Ю. К истокам появления состава преступления «надругательство над телами умерших и местами их захоронения» / Под общ. ред. М.Г. Тирских, Г.В. Дружинина. Иркутск: Иркутский государственный университет // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 18 марта 2022 года, 2022. С. 373–376. EDN: PQENEQ.

11. Исмагилов Р.А. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 216 с. EDN: QFJJKZ.

12. Шокель А.С. Предупреждение преступлений, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 209 с. EDN: QFFEXB.

References

1. Makarova Yu.V. Outrage as a constructive feature of the objective side of the crime provided for in Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation: concept, features, forms // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2020. No. 2 (95). Pp. 212–221. EDN: FIEQHF.

2. Alimirzaev E.A. On the issue of the forms of the crime provided for in Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminological Journal. 2022. No. 4. Pp. 17–21. EDN: GJYXRO.

3. Mikhalevich E.V. The role of linguistic examination in cases of protection of honor, dignity and business reputation // Monitoring of law enforcement. 2013. No. 2. Pp. 60-62. EDN: QBXOTB.

4. Bitel Ya.N. Desecration of the Bodies of the Deceased and Their Burial Places // Matrix of Scientific Knowledge. 2021. No. 10-2. Pp. 51–62. EDN: DEGHCA.

5. Sorokina Yu.V. The Concept of Desecration of the Bodies of the Deceased: Problems of Theoretical Definition // Issues of Modern Jurisprudence: Collection of Articles Based on the Materials of the XXIX International Scientific and Practical Conference (September 25, 2013). Novosibirsk: Sib. AK, 2013. No. 9(29). Pp. 152–156. EDN: RCBADL.

6. Kadnikov N.G. Qualification of Crimes and Issues of Judicial Interpretation: Monograph / N.G.Kadnikov. Moscow: Jurisprudence, 2019. 336 p. ISBN: 978-5-9516-0863-5 EDN: NVUEHL.

7. Criminal Law. Special Part: textbook for universities / editors-in-chief A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 564 p. (Higher education). - ISBN 978-5-534-18550-8. - Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. URL: https://urait.ru/bcode/585633 (date accessed: 26.04.2026).

8. Dzhemelinsky V.A. Forensic Characteristics and Initial Stage of Investigation of Desecration of the Bodies of the Deceased and Their Burial Places: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar, 2005. 40 p. EDN: NJUJWV.

9. Russian Criminal Law. Special Part: Textbook for Universities / S.V. Zemlyukov [et al.]; ed. V.S. Komissarov. St. Petersburg: Piter, 2008. 718 p. ISBN: 978-5-469-01524-6. EDN: QXLQYT.

10. Davydova E.Yu. On the Origins of the Crime of "Desecration of the Bodies of the Deceased and Their Burial Places" / General ed. M.G. Tirskikh, G.V. Druzhinin. Irkutsk: Irkutsk State University // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Irkutsk, March 18, 2022, 2022. Pp. 373–376. EDN: PQENEQ.

11. Ismagilov R.A. Funeral Culture as an Object of Criminal-Law Protection: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Tyumen, 2011. 216 p. EDN: QFJJKZ.

12. Shokel A.S. Prevention of Crimes Related to Desecration of the Bodies of the Deceased and Their Burial Places: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2011. 209 p. EDN: QFFEXB.

© Осокин Р.Б.

Научные исследования преступления и наказания
Scientific Crime and Punishment Research Journal

Русскевич Евгений Александрович

профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

Москва
Российская Федерация

Russkevich Evgeny A.

Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor

Moscow
Russian Federation

russkevich@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 5725-1289
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4587-8258

Статья поступила в редакцию: 30.04.2026
одобрена после рецензирования 26.05.2026
принята к публикации 15.06.2026

УДК: 343.3.7

О криминализации обеспечения функционирования цифровой инфраструктуры киберпреступности

On the criminalization of the functioning of digital infrastructure for cybercrime

Аннотация. Актуальность. Статья посвящена теоретическому анализу последних изменений уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (ст. 274^3–274^5 УК РФ). Реализованная законотворческая инициатива отражает новый курс отечественной уголовной политики, направленный на противодействие обеспечению функционирования цифровой инфраструктуры киберпреступности.

Целью статьи является критическое осмысление новелл главы 28 УК РФ (ст. 274^3–274^5) и анализ особенностей конструирования данных норм, в том числе их криминообразующих признаков, характеризующихся формальной неопределенностью.

Выводы. Установлено, что новые уголовно-правовые запреты в сфере компьютерной информации имеют важное превентивное значение, однако характеризуются рядом недостатков законодательной техники. Доказано, что ключевым риском будущего правоприменения является расширительное толкование нормы об участии в незаконной передаче абонентских номеров (ч. 2 ст. 274^4 УК РФ) в тех случаях, когда корыстный сбыт осуществляется при отсутствии признаков организованной деятельности.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровая инфраструктура, криминализация, противодействие преступлениям, предупреждение преступлений.

Abstract. Relevance. This article provides a theoretical analysis of the latest amendments to criminal legislation regulating liability for crimes involving computer information (Articles 274^3–274^5 of the Criminal Code of the Russian Federation). This legislative initiative reflects a new course in Russian criminal policy aimed at countering the functioning of the digital infrastructure of cybercrime.

The purpose of this article is to critically examine the new provisions of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation (Arts. 274^3–274^5) and analyze the legislative design of these norms, including their crime-constituting elements characterized by formal uncertainty.

Conclusions. It has been established that the new criminal law prohibitions in the field of computer information possess significant preventive value but are characterized by a number of shortcomings in legislative technique. The study demonstrates that the primary risk for future law enforcement lies in the expansive interpretation of the provision concerning participation in the illegal transfer of subscriber numbers (Part 2, Art. 274^4 of the Criminal Code of the Russian Federation) in cases where for-profit distribution is carried out in the absence of signs of organized activity.

Keywords: cybercrime; digital infrastructure; criminalization; crime prevention; crime prevention.

© Русскевич Е.А.

Для цитирования: *Русскевич Е.А.* О криминализации обеспечения функционирования цифровой инфраструктуры киберпреступности // Научные исследования преступления и наказания. № 2 (6). 2026. С. 32–39.

For citation: *Russkevich Evgeny A.* On the criminalization of the functioning of digital infrastructure for cybercrime // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 2 (6). 2026. P. 32–39.

Введение. Последовательный рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, уже на протяжении длительного времени является одной из самых обсуждаемых тем в отечественной юридической науке [1, 2, 3, 4]. Казалось бы, чтобы его объяснить, достаточно посмотреть по сторонам и убедиться в очевидном: насколько неотрывно современный человек связан с цифровыми устройствами и виртуальной средой. Мысль эта многократно была раскрыта в литературе, причем не только юридической. Спорить с тем, что «компьютеризация жизни» предопределила и «компьютеризацию преступности», невозможно.

Однако это своего рода эволюционный уровень объяснения, который, надо честно признать, мало что дает для выработки практических решений. Действительно, не станем же мы отстаивать необходимость отказа от дальнейшего развития науки и техники, добиваться приостановки всех инновационных проектов, ссылаясь на то, что они потенциально таят угрозу появления новых преступных посягательств на охраняемые законом интересы личности, общества или государства? Человек всегда выбирает прогресс, движение от неведения к знанию, от энтропии к определенности, от хаоса к порядку. Прогресс всегда имеет свою оборотную – негативную – сторону, и человек исторически всегда платит эту цену.

Смирившись с эволюционной предопределенностью цифровых изменений в состоянии и динамике преступности, в прикладном смысле важно заняться осмыслением того, почему те или иные технологии приводят к конкретным негативным колебаниям ее количественно-качественных характеристик. И здесь следует обратить внимание на многое.

Прежде всего до настоящего времени пользователь практически любого цифрового сервиса не может самостоятельно выбирать уровень своего риска с точки зрения распространенных угроз информационной безопасности. У нас под рукой множество интегрированных разработчиком настроек, касающихся получения тех или иных услуг или приобретения товаров, но почти ничего – в части осознанного контроля за своей цифровой безопасностью (положительные исключения крайне редки).

В причинном комплексе цифровых преступлений нельзя обойти и тот фактор, который условно может быть обозначен как *проблема противопоставления стоимости технологии и безопасности*. Безопасность, в том числе компьютерная, стоит дорого. В свою очередь бизнес предсказуемо стремится к снижению издержек и повышению доходности экономической деятельности. Последнее нельзя поставить в укор хозяйствующим субъектам, поскольку такова сама природа предпринимательства. Однако такая экономия негативно сказывается на защищенности пользователей от действий киберпреступников.

Следует обратить внимание и на то, что в предупреждении цифровой преступности значительную роль играют организационно-технические либо сугубо технические составляющие [5, 6]. Предотвращение неправомерного воздействия на компьютерную информацию и компоненты информационно-коммуникационной инфраструктуры прежде всего реализуется за счет разработки и внедрения механизмов программно-технической защиты, в том числе от небрежного поведения субъектов, допущенных к эксплуатации компьютерного оборудования. В данном отношении крайне важным представляется обеспечение неукоснительного соблюдения установленных стандартов информационной безопасности. Известно, что далеко не все организации в силу тех или иных причин стремятся осуществлять свою деятельность на уровне последних стандартов киберзащищенности.

© Русскевич Е.А.

С изрядным запозданием, но законодатель все же обратил внимание еще на один важный компонент в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, – собственно на ее *цифровую инфраструктуру*. IT-преступность по своей природе технологична. Это означает, что механизм преступного поведения виновного предполагает операционное взаимодействие с компьютерными технологиями. Характер такого взаимодействия, конечно же, может быть разным. И тут возможны варианты от подготовки и проведения сложных и высокотехнологичных компьютерных атак на хорошо защищенные информационные ресурсы до вполне банального дистанционного мошенничества с использованием современных средств коммуникации. Вместе с тем как в первом, так и во втором случае злоумышленник всегда использует технологии, а успешность его действий во многом предопределена качеством используемых цифровых инструментов. Таким образом, мысль о том, что эффективная стратегия противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, должна предполагать наряду с остальным и комплексное воздействие на практику обеспечения функционирования ее инфраструктуры, «лежит на поверхности».

До последнего времени отечественный уголовный закон в этом отношении содержал довольно мало: положения об ответственности за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) и уголовно-правовой запрет в отношении незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138^1 УК РФ). Своего рода прологом к этому стали изменения, внесенные 30.11.2024 в Уголовный кодекс Российской Федерации[1], которыми глава 28 УК РФ была дополнена специальной нормой об ответственности за незаконные действия в отношении персональных данных в компьютерной форме (ст. 272^1 УК РФ). Поправки, внесенные Федеральным законом от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], явились уже логическим продолжением выбранного курса уголовной политики.

Обсуждение и результаты. Примечательно, что изначально законопроект не содержал предложений по дополнению главы 28 УК РФ соответствующими нормами. Именно поэтому в пояснительной записке нет объяснения самой необходимости закрепления ст. 274^3, 274^4, 274^5 УК РФ. Поскольку дополнения были внесены только ко второму чтению (инициатором выступало Правительство Российской Федерации), Верховный Суд Российской Федерации не имел возможности рассмотреть их и дать отзыв. Само по себе это, пожалуй, является поводом для повышенного внимания к внесенным изменениям.

Функционал данных уголовно-правовых инструментов заключается в установлении ответственности за совершение действий, которые, по сути, направлены на создание условий для совершения преступлений в сфере информационной безопасности, а также многих иных преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (конечно же, здесь прежде всего нужно говорить о дистанционных хищениях). Иными словами, мы имеем дело с дополнением уголовного закона классическими нормами с двойной превенцией.

Статья 274^3 УК РФ устанавливает, что деяние заключается в незаконном использовании абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции. Содержание данного бланкетного признака прежде всего отсылает к п. 9 ст. 44 Федерального закона Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»[3], в соответствии с которой

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] О связи : федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

© Русскевич Е.А.

использование абонентских терминалов пропуска трафика, виртуальных телефонных станций с нарушением требований, установленных настоящим законом и (или) правилами оказания услуг связи, не допускается. Норма отсылает и к другим документам: постановлению Правительства Российской Федерации от 31.12.2021 № 2607 (ред. от 30.09.2023) «Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи»[4], постановлению Правительства Российской Федерации от 31.12.2021 № 2606 (ред. от 26.12.2024) «Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных»[5], постановлению Правительства Российской Федерации от 30.12.2024 № 1994 (ред. от 31.07.2025) «Об утверждении Правил оказания услуг телефонной связи и перечня организаций, имеющих право осуществлять подтверждение сведений об абоненте-физическом лице»[6] и др.

Криминообразующими признаками преступления, предусмотренного ст. 274^3 УК РФ, названы альтернативно: цель совершения другого преступления и тяжкие последствия. Такая модель криминализации сама по себе вызывает вопросы, поскольку в один ряд поставлены принципиально разные критерии – специальная цель и тяжкие последствия. Кроме того, в отличие от ст. 274^4 и 274^5 УК РФ отсутствует указание на корыстные побуждения, что также требует своего осмысления. Не секрет, что подавляющее большинство выявляемых случаев незаконного использования сим-боксов или виртуальных станций сопряжены с получением такими лицами вознаграждения за свою деятельность. В реализованном решении правоприменителю необходимо устанавливать и доказывать именно цель на совершение другого преступления либо наступление тяжких последствий. Такие лица, по сути, никогда не стремятся незаконно использовать узел связи именно для совершения другого преступления. Их цель – получение дохода от своей деятельности.

Установление же причинно-следственной связи с тяжкими последствиями в ст. 274^3 УК РФ, думается, представляет собой почти неосуществимую задачу. Деятельность незаконного узла связи сама по себе причинить такие последствия не может. То есть, если причинная зависимость и будет установлена, то всегда опосредованно и весьма отдаленно – через противоправные действия третьих лиц, которые пользовались услугами такого узла связи. И здесь возникает вероятность того, что применение указанной нормы именно в модели материального состава с тяжкими последствиями будет всегда балансировать на грани объективного вменения.

С учетом выделения криминообразующего признака в виде специальной цели совершения иного преступления следует сделать вывод, что все новеллы главы 28 УК РФ, введенные в 2025 году, в этой части представляют собой формы криминализации содействия преступной деятельности без признаков соучастия. При этом если указанные деяния имели место при наличии соучастия в другом преступлении, то ст.ст. 274^3–274^5 УК РФ должны применяться по совокупности.

В связи с этим дискуссионным представляется высказанное в литературе суждение, что указание в диспозиции ч. 1 ст. 274^3 УК РФ на специальную цель – совершение иного преступления – означает буквально пособничество в совершении этого преступления и детерминирует правовые коллизии и конкуренцию уголовно-правовых норм [7].

Надо признать, что такой подход нашел свою поддержку и на уровне правоприменения. Так, в судебном заседании по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ, представитель государственного обвинения просил

[4] Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи : постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2021 № 2607 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных : постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2021 № 2606 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[6] Об утверждении Правил оказания услуг телефонной связи и перечня организаций, имеющих право осуществлять подтверждение сведений об абоненте-физическом лице : постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2024 № 1994 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

© Русскевич Е.А.

переквалифицировать действия подсудимого на ч. 1 ст. 274[3] УК РФ, ссылаясь на то, что Федеральным законом от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[7] введена ст. 274[3] УК РФ, которая устанавливает ответственность за незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции либо обеспечение функционирования абонентского терминала пропуска трафика или его основных частей, совершенные в целях совершения иного преступления либо повлекшие тяжкие последствия. С учетом установленных по делу обстоятельств и требований закона деяние подсудимого в форме пособничества при совершении преступления в отношении потерпевшего выделено в самостоятельный состав преступления. Приведенные изменения имеют обратную силу в соответствии со ст. 10 УК РФ, согласно которой уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу[8]. Аргументация стороны защиты о том, что при недоказанности соучастия в совершении мошенничества подсудимый должен быть оправдан за отсутствием состава преступления, поскольку на дату вступления закона в силу такое деяние не признавалось преступлением, была оставлена судом без внимания.

Позиция, согласно которой деяние, предусмотренное ст. 274[3] УК РФ, представляет собой специальный вид пособнических действий, представляется крайне спорной. Думается, что ровно наоборот – данная норма есть пример криминализации содействия преступной деятельности без признаков соучастия. Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 274[3] УК РФ и при отсутствии необходимой для соучастия двусторонней субъективной связи, свидетельствующей о наличии сговора о совместном совершении конкретного преступления. Этого не требуется для признания преступными действий владельца и оператора незаконного узла связи. Достаточно лишь установить, что такое лицо *допускало* использование незаконного терминала пропуска трафика для преступной деятельности. В тех же случаях, когда признаки соучастия имели место, содеянное образует совокупность со ст. 274[3] УК РФ.

В связи с этим представляются вполне обоснованными доводы стороны защиты о том, что при недоказанности соучастия в мошенничестве, действия лица не могут быть квалифицированы и по ст. 274[3] УК РФ, поскольку на тот момент они не признавались преступлением. Таким образом, в приведенном выше судебном решении не учитываются положения ст. 10 УК РФ, поскольку уголовному закону, устанавливающему преступность деяния, придается обратная сила.

Абонентский терминал пропуска трафика технологически предполагает использование множества сим-карт, как правило, оформленных на третьих лиц. В связи с этим вполне логичным представляется вопрос о том, охватывает ли деяние, предусмотренное ст. 274[3] УК РФ, организацию деятельности по передаче абонентских номеров, по смыслу ст. 274[4] УК РФ? Сравнение санкций указывает на то, что не может охватывать, во всяком случае по основному составу. То есть имеются серьезные предпосылки к тому, что ч. 1 ст. 274[3] УК РФ предполагает своего рода обязательную совокупность с ч. 1 ст. 274[4] УК РФ.

Статья 274[4] УК РФ устанавливает ответственность за организацию деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации. Данная норма в настоящее время выводит в криминальное поле сложившийся с годами целый сегмент рынка услуг в сфере связи – рынок продажи и (или) аренды абонентских

[7] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[8] Приговор Серебряно-Прудского районного суда Московской области от 20.11.2025 № 1-99/2025 (УИД 50RS0043-01-2025-001002-13).

© Русскевич Е.А.

номеров, оформленных на третьих лиц. В сети до настоящего времени можно встретить множество подобных предложений. С учетом того, что все это отвечает критерию корыстной заинтересованности, такая деятельность соответствует признакам нового состава преступления.

Имеющаяся и по понятным причинам пока крайне немногочисленная практика по ст. 274[4] УК РФ указывает на то, что даже реализация незначительного количества сим-карт позволяет квалифицировать содеянное как преступление. Так, по одному из дел суд указывает: «…М. …из корыстных побуждений, имея преступный умысел, направленный на осуществление организации деятельности по передаче абонентских номеров, выделенных лицам на основании договоров об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи и предоставленных в пользование в рамках указанных договоров, иным лицам в нарушение требований законодательства Российской Федерации, …приобрел две сим-карты сотового оператора связи ПАО «Вымпелком» с абонентскими номерами «…», «…», выделенные лицам на основании договоров оказания услуг подвижной радиотелефонной связи и активированные 03 октября 2025 года на имена … После чего, М… , действуя с прямым умыслом, достоверно зная о том, что абонентские номера зарегистрированы на третьих лиц, которые фактически не будут пользоваться в дальнейшем вышеуказанными абонентскими номерами …, находясь в помещении торгового павильона…, из корыстных побуждений, реализовал вышеуказанные сим-карты физическому лицу, участвующему в оперативно-розыскном мероприятии «проверочная закупка», за безналичный расчет, без проведения кассовой операции…»[9].

Организация деятельности по передаче абонентских номеров по смыслу ч. 1 ст. 274[4] УК РФ, конечно же, не может сводиться только к их непосредственной реализации. Все-таки организация деятельности в отличие от участия в ней должна характеризоваться действиями именно организационного характера – это создание и (или) поддержание функционирования онлайн-ресурса по распространению таких сим-карт, привлечение клиентов и лиц, поставляющих «серые» абонентские номера, организация хранения сим-карт и иного необходимого оборудования, а также налаживание и контроль за сбытом абонентских номеров с привлечением курьеров и т.п. Во всем этом должна присутствовать систематичность и необходимый уровень организованности.

В соответствии с ч. 2 ст. 274[4] УК РФ установлена ответственность за участие в деятельности, указанной в части первой данной статьи. Редакция нормы позволяет выделить несколько возможных подходов к ее толкованию: 1) данное участие предполагается в самой организации; 2) речь идет, собственно, о незаконной передаче абонентских номеров; и 3) такое участие следует понимать как выполнение заранее отведенной роли именно в рамках уже организованной деятельности.

Первое толкование – участие как вовлеченность в процесс организации – хотя и является гипотетически возможным, явно не соответствует законодательной цели ст. 274[4] УК РФ. Второе – участие как сама деятельность по незаконной передаче абонентских номеров – очевидно выбивается из общего смысла используемой терминологии, предполагающей именно вовлеченность в какую-то деятельность, то есть уже кем-то осуществляемую и кем-то организуемую. Следовательно, заслуживает поддержки третий подход – участие как вовлеченность в уже организованную деятельность по распространению абонентских номеров. Понятно, что при таком толковании пределы криминализации существенно сужаются, поскольку однократная продажа «серой» сим-карты не будет отвечать признакам участия именно в организованной кем-то деятельности по передаче абонентских номеров.

В статье 274[5] УК РФ законодатель установил ответственность за организацию функционирования площадок, через которые распространяются идентификаторы доступа к

[9] Постановление Дорогомиловского районного суда города Москвы от 05.02.2026 № 1-77/2026 (УИД 77MS0210-01-2025-012300-26).

© Русскевич Е.А.

информационным ресурсам. В соответствии с редакцией нормы, предметом данного преступления является не только информация, необходимая для авторизации (логин, пароль), но и для регистрации. Здесь возникает определенная неясность относительно характера таких сведений. Если регистрационные данные сводятся к персональным данным пользователя (фамилия, имя, телефон, адрес проживания и пр.), то возникает очевидная конкуренция между ст. 274^5 и 272^1 УК РФ, и предпочтение здесь должно быть отдано последней. Вместе с тем самостоятельное применение ст. 274^5 УК РФ в этом отношении не исключается, поскольку к информации, необходимой для регистрации, может относиться ссылка либо код верификации, которые требуются для завершения регистрации пользователя на информационном ресурсе сети «Интернет».

В литературе было высказано суждение, что общественная опасность деяний, закрепленных в ст. 274^5 УК РФ, неочевидна [7]. Сложно с этим согласиться. Организованные формы распространения идентификаторов доступа пользователей сети «Интернет» позволяют злоумышленникам успешно осуществлять компьютерные атаки с самыми разными целями (хищение, шантаж, вымогательство, коммерческий шпионаж и др.). При этом лица не могут не понимать, что такая информация будет использована именно в противоправной деятельности. С точки зрения информационной безопасности, теневой рынок сетевых идентификаторов представляет собой экзистенциальную угрозу.

Более того, в отечественной науке отмечается, что даже специальное закрепление ст. 274^5 УК РФ является недостаточной мерой по борьбе с незаконным оборотом сетевых идентификационных данных. Так, по мнению В.В. Дорошкова, в свете принятия Конвенции ООН против киберпреступности[10] потребуется криминализация действий, связанных с покупкой, продажей и использованием паролей, реквизитов доступа, электронных подписей или аналогичных данных, позволяющих получить доступ ко всей информационно-коммуникационной системе или любой ее части, поскольку действующая редакция ст. 274^5 УК РФ устанавливает ответственность лишь за организацию деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет». Покупка, однократная продажа и использование авторизационных данных состава преступления сейчас не образуют [8].

Заключение. В завершение следует еще раз отметить позитивный характер внесенных в главу 28 УК РФ изменений. Эффективное противодействие киберпреступности невозможно без установления и реализации уголовной ответственности за отдельные наиболее опасные нарушения в сфере связи.

Сохраняющееся долгое время состояние почти открытого оборота абонентских номеров, оформленных на подставных лиц, масштабного функционирования незаконных узлов связи и распространения сетевых идентификаторов пользователей имело самое негативное влияние на динамику преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Новеллы главы 28 УК РФ 2025 г. в юридико-техническом отношении, пожалуй, небезупречны и потребуют самого внимательного обсуждения с учетом формирующегося правоприменения. Как представляется, самым существенным риском является квалификация по ч. 2 ст. 274^4 УК РФ отдельных случаев незаконной передачи абонентских номеров из корыстных побуждений при отсутствии каких-либо признаков организованности такой деятельности.

[10] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям : принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243?ysclid=mhw115h7bq17697241 (дата обращения: 17.04.2026).

© Русскевич Е.А.

Список используемой литературы

1. Дремлюга Р.И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 328 с. EDN: HSBXRM.

2. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 312 с. EDN: ZIHCGL.

3. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2022. 351 с. EDN: MPWWHL.

4. Хилюта В.В. Уголовное право в социальном измерении: контуры перемен и новой стратегии развития: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 440 с. EDN: TXPZGN.

5. Жарова А.К. Правовое регулирование отношений в области предотвращения возможных уязвимостей в информационных технологиях // Безопасность бизнеса. 2022. № 1. С. 19–26. EDN: MNASKI. DOI: 10.18572/2072-3644-2022-1-19-26

6. Криминология кибербезопасности: в 5 т. Т. 2: Уголовно-правовое обеспечение криминологической кибербезопасности / под ред. С. Я. Лебедева. М.: Проспект, 2021. 280 с. EDN: LTKWAE.

7. Ермолович Я.Н., Иванов А.Л. Совершенствование уголовно-правовой охраны информационной безопасности Российской Федерации (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2025 года № 282-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2025. № 12. С. 50–64. EDN: LZCODN.

8. Дорошков В.В. Актуальные проблемы реализации положений Конвенции ООН против киберпреступности // Мировой судья. 2026. № 2. С. 2–5. EDN: KWMGKK. DOI: 10.18572/2072-4152-2026-2-2-5.

References

1. Dremlyuga R.I. Criminal-legal protection of the digital economy and information society from cybercriminal attacks: doctrine, law, law enforcement: monograph. - M .: Yurlitinform, 2022. 328 p. EDN: HSBXRM

2. Efremova M.A. Criminal-legal protection of information security: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2018. 312 p. EDN: ZIHCGL.

3. Russkevich E.A. Criminal law and "digital crime": problems and solutions: monograph. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2022. 351 p. EDN: MPWWHL.

4. Khilyuta V.V. Criminal law in the social dimension (contours of change and a new development strategy): monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2023. 440 p. EDN: TXPZGN.

5. Zharova A.K. Legal regulation of relations in the field of preventing possible vulnerabilities in information technology // Business Security. 2022. № 1. P. 19–26. EDN: MNASKI. DOI: 10.18572/2072-3644-2022-1-19-26

6. Criminology of cybersecurity: in 5 volumes. Vol. 2: Criminal-legal support of criminological cybersecurity / edited by S.Ya. Lebedev. M.: Prospect, 2021. 280 p. EDN: LTKWAE.

7. Ermolovich Ya.N., Ivanov A.L. Improving the Criminal-Legal Protection of Information Security in the Russian Federation (scientific and practical commentary on the Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated July 31, 2025, No. 282-FZ) // Law in the Armed Forces, 2025, no. 12, pp. 50–64. EDN: LZCODN.

8. Doroshkov V.V. Current Issues of Implementing the Provisions of the UN Convention against Cybercrime // Magistrate’s Judge, 2026, no. 2, pp. 2–5. EDN: KWMGKK. DOI: 10.18572/2072-4152-2026-2-2-5.

© Русскевич Е.А.

Горбань Дмитрий Владимирович

начальник кафедры организации режима юридического факультета ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербург, Пушкин
Российская Федерация

Gorban Dmitry V.

head of the department of regime organization of the faculty of law The University of FPS of Russia, PhD in law, associate professor

St. Petersburg, Pushkin
Russian Federation

gorban.d.v@fsin.gov.ru
SPIN-код (РИНЦ) 7601-7500
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9442-7712

Статья поступила в редакцию: 09.05.2026
одобрена после рецензирования 06.06.2026
принята к публикации 15.06.2026

Ефремова Ольга Сергеевна

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета, ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» кандидат юридических наук

г. Санкт-Петербург, г. Пушкин
Российская Федерация

Efremova Olga S.

senior lecturer at the department of public law disciplines of the faculty of law The University of FPS of Russia, PhD in law

St. Petersburg, Pushkin
Russian Federation

efremova.o.s@fsin.gov.ru
SPIN-код (РИНЦ) 8770-5437

УДК 343.8

Проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации государственного управления в уголовно-исполнительной системе

Problems and Prospects of Legal Regulation of Digital Transformation of Public Administration in the Penal System

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования нормативно-правового регулирования и организационных механизмов цифровой трансформации государственного управления в уголовно-исполнительной системе в условиях роста киберугроз и активного внедрения новых технологий.

Цель работы – комплексный анализ правовых и организационных основ цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы, выявление проблемных аспектов данного процесса и разработка предложений по его совершенствованию.

Методы. В исследовании применялся комплекс общенаучных и частнонаучных методов: нормативно-правовой анализ, сравнительно-правовой метод, системный подход, прогностический метод, метод экспертных оценок.

Результаты. Выявлены ключевые проблемы цифровизации уголовно-исполнительной системы, включая риски кибербезопасности, нормативную неопределенность применения алгоритмов искусственного интеллекта и кадровый дефицит. Обоснована необходимость комплексного подхода, предполагающего совершенствование законодательной базы, развитие интегрированного информационного пространства ведомства и системное повышение цифровой компетентности персонала.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственное управление, уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительное право, правовое регулирование, кибербезопасность, искусственный интеллект, цифровая грамотность.

Abstract. Relevance of the research is due to the necessity of improving the regulatory framework and organizational mechanisms of digital transformation in public administration within the penal system, given the growing cyber threats and the active implementation of new technologies.

© Горбань Д.В., Ефремова О.С.

The purpose of the work is a comprehensive analysis of the legal and organizational foundations of the digital transformation of the penal system, identification of problematic aspects of this process, and the development of proposals for its improvement.

Methods. The study employed a complex of general scientific and special scientific methods: regulatory and legal analysis, comparative legal method, systems approach, forecasting method, and expert assessment method.

Results. The key problems of digitalization in the penal system are identified, including cybersecurity risks, regulatory uncertainty in the application of artificial intelligence algorithms, and personnel shortages. The necessity of an integrated approach is substantiated, which involves improving the legislative framework, developing an integrated information space of the department, and systematically enhancing the digital competence of personnel.

Keywords: digital transformation, public administration, penal system, penitentiary law, legal regulation, cybersecurity, artificial intelligence, digital literacy.

Для цитирования: *Горбань Д.В., Ефремова О.С.* Problems and Prospects of Legal Regulation of Digital Transformation of Public Administration in the Penal System // Научные исследования преступления и наказания. № 2 (6). 2026. С. 40–46.

For citation: *Gorban Dmitry V., Efremova Olga S* Problems and Prospects of Legal Regulation of Digital Transformation of Public Administration in the Penal System // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 2 (6). 2026. P. 40–46.

Введение. На сегодняшний день цифровая трансформация государственного управления выступает одним из ключевых и приоритетных направлений развития Российской Федерации. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации (УИС) также не остается в стороне: внедрение современных информационных технологий позволяет оптимизировать рабочие процессы, повысить прозрачность деятельности и обеспечить безопасность подведомственных учреждений.

Актуальность обозначенной темы научного исследования также обусловлена рядом факторов и причин, среди которых особое внимание, по нашему мнению, следует обратить на следующие:

рост значимости цифровых технологий в государственном управлении и деятельности УИС;

необходимость адаптации УИС к современным вызовам и угрозам, в том числе в цифровой сфере;

наличие организационных проблемных вопросов в сфере внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность УИС.

Проведенный анализ современных научных публикаций по основным направлениям деятельности УИС позволил сделать вывод о высоком интересе ученых к изучению тематики цифровой трансформации, а также направления государственного управления в рассматриваемой сфере общественных отношений [1, 2, 3].

Цифровая трансформация государственного управления в УИС рассматривается учеными как комплексный процесс, требующий не только технологических решений, но и изменений в управленческих практиках, правовом регулировании и подготовке кадров. Ее влияние на государственное управление проявляется в усилении интеграции систем, изменении административных процедур и появлении новых вызовов в сфере права и этики.

Обсуждение. Происходящие на сегодняшний день процессы цифровизации государственного управления обусловлены рядом ключевых факторов, связанных с глобальными технологическими изменениями, социально-экономическими потребностями и стратегическими целями развития государства.

В исследуемой области общественных отношений учеными отмечается переход к модели «государства, основанного на данных». В центре внимания оказываются качество данных, межведомственная совместимость, цифровая идентификация и киберустойчивость государственных систем. Данные становятся главным ресурсом для принятия управленческих решений, что кардинально меняет природу административных процедур. Переход

© Горбань Д.В., Ефремова О.С.

от традиционного управления, основанного на опыте и интуиции, к методологии принятия решений, основанной на анализе объективных данных, позволяет повысить точность и обоснованность решений, минимизировать субъективный подход [4].

Помимо указанных направлений исследователи обращают особое внимание на реализацию следующих направлений в сфере цифровизации государственного управления:

развитие предоставления услуг по «жизненным ситуациям»;

платформизация;

применение технологий искусственного интеллекта в административных процессах;

цифровая идентификация и использование мобильной электронной подписи [5, с. 32].

Процессы цифровой трансформации государственного управления также стремительно охватили и закрепились в деятельности УИС. Реализация указанного направления основана на положениях действующего законодательства, включающего подзаконные нормативные правовые акты. В рассматриваемом аспекте следует обратить особое внимание на следующие из них.

Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»[1]. Указ определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий. Среди ключевых целей – развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализация стратегических национальных приоритетов.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года»[2] (далее – Концепция). В Концепции цифровая трансформация обозначена как одно из ключевых направлений развития УИС. В разделе IV «Основные направления совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы» прямо указано, что проведение цифровой трансформации и научно-техническое развитие являются приоритетными задачами УИС. Концепция предусматривает комплексный подход к цифровой трансформации УИС, охватывающий как технологические аспекты, так и подготовку кадров, а также интеграцию с другими государственными системами.

Постановление Правительства Российской Федерации от 09.11.2021 № 1922 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации „Информационное общество“ и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации» (далее – Постановление Правительства РФ от 09.11.2021 № 1922) заменило утратившее силу постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Информационное общество“». Указанный нормативный правовой акт закрепляет цифровую трансформацию как ключевую задачу. В постановлении Правительства Российской Федерации от 09.11.2021 № 1922 определены приоритеты государственной политики в рассматриваемой сфере общественных отношений, устанавливаются национальные цели до 2030 года, задаются региональные приоритеты и предусматриваются конкретные меры для их достижения.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637 р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления»[3]. Распоряжение устанавливает стратегические цели и задачи по цифровой

[1] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления : распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637 р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

© Горбань Д.В., Ефремова О.С.

трансформации государственного управления, включая: автоматизацию и упрощение работы ведомств в части межведомственного взаимодействия и организации типовых процессов; повышение уровня защищенности сервисов государственных служащих; формирование единого информационного пространства в области внутриведомственного и межведомственного электронного взаимодействия. Также распоряжение предусматривает внедрение технологий искусственного интеллекта в государственное управление, включая обучение сотрудников, методическое и нормативное обеспечение, расчет индекса применения указанных технологий, а также упрощение процедур тестирования и внедрения соответствующих решений.

Приведенные и проанализированные нормативные документы задают вектор развития УИС в сфере цифровой трансформации государственного управления, но требуют определенной адаптации к специфике ее деятельности, за исключением Концепции развития УИС.

Анализируя текущее состояние цифровизации государственного управления УИС, мы можем отметить, что в настоящее время в ее деятельность внедрены следующие информационные системы:

Федеральная государственная информационная система «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц» (СЭМПЛ). Она представляет собой совокупность технических средств и устройств, используемых в УИС для дистанционного надзора за осужденными к ограничению свободы, а также за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Система позволяет контролировать выполнение подконтрольными лицами предписанных судом ограничений путем индивидуальной идентификации и отслеживания их местонахождения [6, с. 124];

программные комплексы автоматизированного картотечного учета спецконтингента (ПК АКУС). Представляют собой информационно-поисковые системы, используемые в УИС для автоматизации учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Они позволяют вводить, накапливать, обрабатывать и предоставлять данные о подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также формировать соответствующие отчеты и справки [7, с. 30];

информационная система «Паноптикум» представляет собой проект, направленный на создание единой базы данных о подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Система призвана централизовать управление информацией о лицах, проходящих через систему уголовного наказания, и повысить эффективность работы ведомства. Название информационной системы отсылает к концепции паноптикума – идеальной тюрьмы, проект которой разработал философ Иеремия Бентам. В такой тюрьме один стражник мог наблюдать за всеми заключенными одновременно. Однако в контексте информационной системы «Паноптикум» термин используется не в буквальном смысле, а как метафора централизованного контроля и учета;

информационные системы кадрово-воспитательных подразделений. Они предназначены для автоматизации учета персонала, кадрового делопроизводства и контроля наличия личного состава. Указанные системы позволяют упростить рутинные процессы, минимизировать ошибки и повысить эффективность управления персоналом;

единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация – это государственная информационная система, созданная в рамках Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Она предназначена для учета сведений о лицах, в отношении которых применяется пробация, и обеспечения обмена информацией между субъектами пробации [8, с. 25].

Несмотря на достигнутый прогресс и положительные результаты в сфере цифровизации государственного управления УИС, в настоящее время в рассматриваемой сфере общественных отношений отмечается ряд проблемных вопросов. Первый блок из них связан с обеспечением кибербезопасности функционирующих в УИС информационных систем, в том числе их защиты от киберугроз. Как отмечает А.Г. Упоров, одним из наиболее острых

© Горбань Д.В., Ефремова О.С.

проблемных вопросов является уязвимость технических систем исправительных учреждений к внешним кибератакам. Риски взлома баз данных и утечки конфиденциальной информации о сотрудниках и осужденных создают серьезные угрозы пенитенциарной безопасности. По данным указанного автора регулярно фиксируются кибератаки на инфраструктуру ФСИН России, включая попытки внедрения вредоносного программного обеспечения, а также DDoS-атаки [2, с. 412].

Второй блок проблемных вопросов связан с технологическим неравенством между регионами и учреждениями УИС. В настоящее время отмечается разрыв в уровне оснащенности исправительных учреждений современными цифровыми решениями. Это препятствует созданию унифицированной системы управления и реализации единых стандартов исполнения уголовных наказаний, а также в целом функционированию цифровой экосистемы УИС [9, с. 263].

Важнейший блок проблемных вопросов в сфере цифровизации государственного управления УИС составляет кадровый блок. В данном случае речь идет, в том числе о необходимости постоянного повышения уровня цифровой грамотности сотрудников УИС. Некоторые из них не обладают достаточными навыками работы с современными цифровыми технологиями, автоматизированными системами и информационными инструментами. Образовательные программы часто ориентированы на базовые умения работы с компьютером и не учитывают специфику деятельности УИС, что создает определенные пробелы в знаниях и умениях сотрудников [10].

Также одним из важных проблемных вопросов в сфере цифровизации государственного управления УИС является вопрос нормативного регулирования использования алгоритмов искусственного интеллекта в служебной деятельности. Затронутая проблема в том числе создает неопределенность в вопросах ответственности за ошибки, допущенные искусственным интеллектом при принятии решений. Помимо этого, требуется совершенствование законодательства в сфере регламентации электронного документооборота, дистанционного мониторинга и контроля за поведением осужденных.

Последний блок проблемных вопросов в сфере цифровизации государственного управления УИС составляют проблемы интеграции информационных систем. Необходимость объединения данных из различных учреждений в единую информационную систему сталкивается с техническими и организационными сложностями. Это затрудняет обеспечение доступности и оперативности информации для принятия управленческих решений.

Для решения затронутых проблемных вопросов требуется комплексный подход, включающий усиление мер кибербезопасности, совершенствование финансирования технической инфраструктуры УИС, развитие образовательных программ для сотрудников, совершенствование законодательства, а также учет этических аспектов внедрения цифровых технологий и алгоритмов, функционирующих на основе искусственного интеллекта.

Г.О. Гусеян, А.В. Бондарева, Д.Н. Химеденова и Ю.С. Кухарев предлагают меры по повышению уровня цифровой грамотности сотрудников УИС с помощью разработки специализированных курсов. Это позволит повысить уровень цифровой компетентности служащих пенитенциарной системы, будет способствовать увеличению использования УИС автоматизированных систем, которые обладают удобным для пользователей интерфейсом, защищены системой безопасности, содержат в себе информационные базы данных, позволяющие принимать своевременные управленческие решения. Важно отметить, что в условиях постоянно развивающегося современного общества повышение квалификации сотрудников должно проводиться регулярно на протяжении всей служебной деятельности [11, с. 15].

Перспективными направлениями в сфере цифровизации государственного управления УИС также являются следующие:

создание единой автоматизированной информационной системы;

© Горбань Д.В., Ефремова О.С.

масштабирование применения технологий искусственного интеллекта для прогнозирования чрезвычайных происшествий и нарушений режима, анализа видеоизображений с камер видеонаблюдения, а также биометрической идентификации для контроля доступа;

дальнейшее развитие и совершенствование электронного документооборота [12, с. 64].

цифровизация процесса ресоциализации осужденных;

расширение применения видео-конференц-связи;

интеграция с государственными сервисами.

Успешная реализация стратегии цифровой трансформации УИС позволит создать единую цифровую экосистему УИС с интеграцией в государственные сервисы, существенно сократить рецидивную преступность за счет повышения эффективности ресоциализации, снизить операционные затраты благодаря автоматизации управления и контроля, повысить прозрачность деятельности УИС.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что цифровая трансформация государственного управления – одно из ключевых направлений развития Российской Федерации, которое затрагивает и УИС.

Цифровая трансформация УИС представляет собой не просто внедрение новых технологий, а комплексный процесс, требующий согласованных действий в области нормативного регулирования, кадрового обеспечения, кибербезопасности и межведомственного взаимодействия. Внедрение современных информационных технологий в деятельность УИС позволяет оптимизировать рабочие процессы, повысить прозрачность деятельности и обеспечить безопасность подведомственных учреждений.

Успех указанной деятельности зависит от решения таких ключевых задач как: совершенствование правового регулирования; обеспечение кибербезопасности; подготовка квалифицированных кадров. Реализация предложенных направлений позволит вывести деятельность УИС на новый более качественный уровень эффективности, открытости и безопасности.

Список используемой литературы

1. Кузьминов А.Н. Стратегии адаптации персонала подразделений уголовно-исполнительной системы в условиях цифровой трансформации // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33. № 2. С. 198–206. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).2.198-206. EDN: TMQHMP.

2. Упоров А.Г. Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы: современные тенденции и перспективы // Право: история и современность. 2025. Т. 9. № 3. С. 411–417. EDN: VPNFXD.

3. Емельянова Е.В., Емельянов Н.С. Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы в условиях цифровизации // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 4 (77). С. 42–46. EDN: UCKONR.

4. Тарапун А.Р., Махова А.В. Цифровые технологии в государственном управлении проблемы и перспективы 2026 г. // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2026. 3 (137). URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/22027. EDN: AUHQGR.

5. Вершицкая Е.Р., Згонникова А.Е. Трансформация государственного управления в цифровую эпоху: анализ «электронного» и «цифрового» правительства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 6. С. 30–38. DOI: 10.17513/vaael.4189 EDN: EYDHXT.

6. Голубцова К.И., Брызгалов Д.В. Особенности применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 4 (50). С. 122–126. DOI: 10.37523/SUI.2022.50.4.020 EDN: TAFFJN.

7. Новоселова Д.В. Применение программного комплекса автоматизированной картотеки учета спецконтингента в преподавании дисциплины «Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности» // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 2 (14). С. 29–32. EDN: NNZYRW.

8. Геращенко О.М., Капралова Н.Н. Институт пробации в Российской Федерации в контексте межведомственного взаимодействия // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025 № 2. С. 22–29. EDN: BZPAAC.

9. Овчинников С.Н. Применение цифровых технологий в сфере исполнения уголовных наказаний: направления, инновации, риски // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 3 (71). С. 261–269. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.71.3.004 EDN: RREHHL.

© Горбань Д.В., Ефремова О.С.

10. Свищев Н.А., Васильева Т.В. Применение современных технологий в уголовно-исполнительной системе России: проблемы и перспективы // Дневник науки. 2025. № 1. Порядковый номер: 124. EDN: ILGDQM.

11. Гусеян Г.О., Бондарева А.В., Химеденова Д.Н., Кухарев Ю.С. Проблемы профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы России в условиях проведения цифровой трансформации // Полицейская деятельность. 2024. № 3. С. 10–20. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.3.70672 EDN: TMWIJO.

12. Упоров А.Г. Современные системы электронного документооборота в учреждениях уголовно-исполнительной системы: правовые последствия, гарантии и практика внедрения законодательные основы и современные реалии // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : сборник материалов XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 63–65. EDN: DGLOMX.

References

1. Kuzminov A.N. Strategies for the adaptation of personnel of units of the penal enforcement system in the context of digital transformation // Man: crime and punishment. 2025. vol. 33. no. 2. pp. 198–206.

2. Uporov A.G. Digital transformation of the penal system: current trends and prospects // Law: history and modernity. 2025. vol. 9. no. 3. pp. 411–417.

3. Yemelyanova E.V., Yemelyanov N.S. Ensuring the security of the penal enforcement system in the context of digitalization // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2025. no. 4 (77). pp. 42–46.

4. Tarapun A.R., Makhova A.V. Digital technologies in public administration problems and prospects in 2026 // Universum: economics and jurisprudence: electron. scientific journal. 2026. 3 (137). URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/22027

5. Vershitskaya E.R., Zgonnikova A.E. Transformation of public administration in the digital age: an analysis of «electronic» and «digital» government // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2025. no. 6. pp. 30–38.

6. Golubtsova K.I., Bryzgalov D.V. Features of the application of the electronic monitoring system of controlled persons by employees of the penitentiary inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia // Bulletin of the Samara Law Institute. 2022. no. 4 (50). pp. 122–126.

7. Novoselova D.V. Application of the software package of the automated special contingent accounting file in teaching the discipline «Informatics and information technologies in professional activity» // Theory and practice of socio-humanitarian sciences. 2021. no. 2 (14). pp. 29–32.

8. Gerashchenko O.M., Kapralova N.N. The institute of probation in the Russian Federation in the context of interdepartmental cooperation // Bulletin of the penal enforcement system. 2025 no. 2. pp. 22–29.

9. Ovchinnikov S. N. Application of digital technologies in the field of execution of criminal penalties: directions, innovations, risks // Penitentiary science. 2025. vol. 19. no. 3 (71). pp. 261–269.

10. Svishchev N.A., Vasilyeva T.V. Application of modern technologies in the Russian penal system: problems and prospects // Diary of science. 2025. no. 1.

11. Guseyan G.O., Bondareva A.V., Himedenova D.N., Kukharev Y.S. Problems of professional training of employees of the Russian penal system in the context of digital transformation // Police activity. 2024. no. 3. pp. 10–20.

12. Uporov A.G. Modern electronic document management systems in institutions of the penitentiary system: legal consequences, guarantees and practice of implementing the legislative framework and modern realities : The penal enforcement system today: interaction of science and practice : collection of materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. pp. 63–65.

© Горбань Д.В., Ефремова О.С.

Савушкин Сергей Михайлович

доцент кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент

Томск
Российская Федерация

Savushkin Sergey M.

Associate Professor of Criminal Law Department, West Siberian Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Tomsk
Russian Federation

savusertom@rambler.ru
SPIN-код (РИНЦ) 9055-3777
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5744-8178

Статья поступила в редакцию: 04.05.2026
одобрена после рецензирования 29.05.2026
принята к публикации 15.06.2026

УДК: 343.8

Меры превентивного характера в отношении осужденных, склонных к насилию

Preventive measures for convicts prone to violence

Аннотация. **Актуальность** темы обусловлена проблемой насилия в местах лишения свободы. Она является одной из наиболее острых и трудноразрешимых в теории и практике. Несмотря на все попытки устранения причин агрессивного поведения осужденных, исправительные учреждения продолжают оставаться местом, где физическое и психическое насилие является средством поддержания неформальной иерархии осужденных, а также средством подавления личности.

Целью исследования является теоретическое обоснование необходимости совершенствования системы мер превентивного характера в отношении осужденных, склонных к насилию, направленной на повышение уровня безопасности, снижения виктимизации уязвимых категорий осужденных и оптимизации механизма дифференциации осужденных.

Выводы. Достижение положительных результатов в профилактике насильственного поведения среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы, становится возможным при условии реализации комплексного, системного подхода. Такой подход подразумевает охват комплекса проблем: противодействие распространению криминальной субкультуры (включая феномены криминальной «зараженности», «вовлеченности» в преступную среду и криминальной «заразности»), разрушение неформальной иерархии и нейтрализацию ее лидеров, своевременное выявление иных категорий осужденных, представляющих повышенную опасность для окружающих. Необходима раздельная оценка рисков, исходящих от осужденного: с одной стороны, угроз безопасности внутри исправительного учреждения, а с другой – потенциальной опасности для общества после освобождения. Только в условиях комплексного решения всех перечисленных задач можно говорить о системной и устойчивой работе с осужденными, склонными к насилию.

Ключевые слова: дифференциация осужденных, агрессия, уязвимые категории осужденных, лишение свободы, безопасность.

Abstract. The relevance of this topic stems from the problem of violence in prisons. It is one of the most pressing and difficult issues to resolve in theory and practice. Despite all efforts to address the causes of aggressive behavior among prisoners, correctional facilities remain a place where physical and psychological violence is used to maintain an informal hierarchy among prisoners and suppress their individuality.

The aim of this study is to theoretically substantiate the need to improve the system of preventive measures for prisoners prone to violence, aimed at increasing security, reducing the victimization of vulnerable categories of prisoners, and optimizing the mechanism for differentiating prisoners.

Conclusions: Achieving positive results in the prevention of violent behavior among prisoners sentenced to imprisonment is possible through the implementation of a comprehensive, systemic approach. This approach encompasses a range of issues: combating the spread of criminal subculture (including the phenomena of criminal «infection», «involvement» in the criminal environment, and criminal «contagion»), disrupting the informal hierarchy and neutralizing its leaders, and promptly identifying other categories of prisoners who pose an increased danger to others. A separate assessment of the risks posed by the prisoner is necessary: on the one hand, threats to security within the correctional facility, and on the other, the potential danger to society upon release. Only by addressing all of these issues comprehensively can we speak of systematic and sustainable work with prisoners prone to violence.

Key words: differentiation of convicts, aggression, vulnerable categories of convicts, imprisonment, security.

© Савушкин С.М.

Для цитирования: *Савушкин С.М.* Меры превентивного характера в отношении осужденных, склонных к насилию // Научные исследования преступления и наказания. № 2 (6). 2026. С. 47–52.

For citation: *Savushkin Sergey M.* Preventive measures for convicts prone to violence // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 2 (6). 2026. P. 47–52.

Введение. Проблема насилия в среде осужденных к лишению свободы является одной из наиболее острых. В условиях коллективного содержания, лица, склонные к насилию в отношении других осужденных, представляют собой перманентную угрозу для безопасности исправительного учреждения (далее – ИУ), физического и психического здоровья осужденных, а также для достижения целей уголовного наказания и уголовно-исполнительного законодательства. Меры превентивного характера в отношении указанной категории осужденных должны носить системный, научно обоснованный и дифференцированный характер, включая возможность изоляции, психокоррекцию и индивидуальный подход.

Крайней формой насилия является посягательство на половую неприкосновенность осужденных. В 2024 году на профилактическом учете в ИУ состояло более 23 тыс. осужденных, склонных к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность.

Следует отметить, что одной из целей классификации осужденных, согласно Правилам Нельсона Манделы[1], является отделение осужденных, которые в силу своего преступного прошлого или черт характера грозят оказать негативное влияние на других лиц, лишенных свободы.

Обсуждение и результаты. Социальная природа тюрьмы противоречит общечеловеческой морали и нравственности, основанной на отрицании жестокости и насилия над другими людьми. Отбывание наказания в ИУ, как любое другое наказание, всегда носит насильственный характер [1, с. 98]. Следует согласиться с Р.З. Усеевым, который указывает, что вопросы опасности в деятельности ИУ, учитывая их сложность, широкое понимание и интерпретируемость в научных и практических кругах, нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении [2, с. 72]. Сосредотачивая осужденных в ИУ, государство, правосудие и наука признают места изоляции этой категории осужденных объектами повышенной криминальной опасности, а их общность – криминогенной, склонной к проявлениям агрессии между ее членами [3, с. 93].

Под склонностью к насилию следует понимать личностную характеристику осужденных, которая проявляется в готовности и возможности применения физической силы или психологического давления на других осужденных; одобрения насилия как средства решения проблемы; способности организовывать и (или) возглавлять насильственные действия.

В рамках комплексного рассмотрения заявленного вопроса необходима дифференциация осужденных по степени опасности и характеру насилия. Следует выделить следующие группы осужденных, склонных к насилию.

1. Лидеры. Они применяют насилие как средство установления и поддержания власти. Насилие применяется осознанно в целях управления, которое подразумевает сбор денежных средств с других осужденных и т. д.

2. Импульсивные агрессоры. Агрессия является реакцией на провокацию, стресс, угрозу. Признаками такой агрессии являются вспышка гнева, драки в конфликтных ситуациях, психические расстройства.

3. Систематические агрессоры. С их стороны насилие является постоянным, немотивированным или мало мотивированным. Такая категория осужденных достаточно части применяет насилие для получения удовольствия от унижения других.

[1] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (Приняты 17.12.2015 Резолюцией 70/175 на 80-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

© Савушкин С.М.

4. Идеологические агрессоры. Насилие выступает средством утверждения националистической, религиозной или какой-либо другой идеологии. Как справедливо отмечается в Справочнике ООН, воинствующий экстремизм порождает циклы агрессии и розни в обществе. В контексте пенитенциарной системы эта проблема приобретает специфический характер: попадая в места лишения свободы, идеологические агрессоры используют насилие для насаждения своих взглядов, вербовки уязвимых категорий осужденных и создания радикальных ячеек, замыкая порочный круг агрессии уже внутри исправительного учреждения[2].

5. Групповые агрессоры. Данная категория лиц участвует в насилии (массовых драках, конфликтах) в составе групп осужденных. Индивидуально они могут не проявлять агрессии к другим осужденным.

Для поддержания установленного порядка отбывания наказания в ИУ необходима систематическая и комплексная работа по выявлению осужденных, склонных к насилию. Активно применяется комплекс мер выявления таких осужденных с помощью различных направлений деятельности.

1. Психологическая диагностика должна проводиться при поступлении осужденных в ИУ и регулярно повторяться в дальнейшем. Она подразумевает анализ данных психологического изучения осужденного на предмет агрессии, импульсивности.

2. Рассмотрение дисциплинарной практики посредством изучения причин нарушений установленного порядка отбывания наказания, конфликтных ситуаций в среде осужденных, жалоб со стороны других осужденных.

3. Сбор оперативной информации должен включать данные о роли осужденного в неформальной иерархии, участии в конфликтах, исходящих угрозах.

4. Медицинская диагностика подразумевает выявление и учет психических расстройств осужденных.

Превентивные меры должны применяться к осужденным в зависимости от степени сформированности их внутренних установок к агрессивному поведению.

Первичный этап является самым важным и сложным. Сложность заключается в предотвращении формирования у осужденного склонности к насилию. Логическим завершением данного этапа является изоляция осужденных на период активной психокоррекционной работы с ними.

Э.В. Зауторова и Е.А. Никитина указывают на то, что о нарушениях межличностного взаимодействия осужденных говорят особенности их коммуникативной сферы, способствующие конфликтам и агрессивному общению, в связи с чем, они считают целесообразным проводить специально организованную коррекционную работу по снижению уровня агрессивности, развитию нравственных и коммуникативных качеств личности в условиях лишения свободы [4, с. 55].

Дальнейшая деятельность связана с выявлением и работой с лицами, которые уже проявляют агрессивное поведение. На данном этапе важна диагностика уровня агрессии, применение индивидуальных программ, а также контроль за поведением осужденного.

В случае эффективности проведения мероприятий по устранению причин агрессивного поведения необходима дальнейшая комплексная работа по предотвращению рецидива насилия, которая подразумевает психокоррекцию и индивидуальное сопровождение. Меры превенции способны оказать положительный эффект только в условиях их комплексного применения, а также их направленности на создание условий формирования у осужденных

[2] Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах. Серия справочников по уголовному правосудию // Сайт Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. 2017. С. 4. URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook-on-VEPs-RU.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

© Савушкин С.М.

навыков, которые позволят им существовать в обществе. Исправление осужденных, согласно УИК РФ, подразумевает формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также стимулирование правопослушного поведения. Данное понятие оперирует большим количеством оценочных категорий, что не способствует единообразному пониманию данной цели законодательства представителями администрации ИУ. В силу указанной причины требования со стороны сотрудников ИУ к осужденным в отдельных, частных ситуациях разнятся, что сказывается на психологической напряженности осужденных, которая порождает их агрессию.

Меры превентивного характера должны применяться комплексно и включать следующие направления деятельности.

1. Дифференциация осужденных как при поступлении в ИУ, так и в процессе отбытия наказания – необходимо постоянно выявлять осужденных, склонных к насилию и своевременно их изолировать от других осужденных;

2. Адаптационные программы обучения осужденных ненасильственному разрешению конфликтов и правилам поведения [8].

3. Обеспечение безопасности – видеонаблюдение, достаточное количество сотрудников администрации (в т. ч. отсутствие вакансий и текучести кадров) для оперативного реагирования на возникающие угрозы.

4. Вовлеченность в полезную деятельность – спорт, творчество, обучение. Одним из аспектов динамической безопасности является забота о том, чтобы в период отбывания наказания осужденные занимались конструктивной деятельностью. Вовлечение их в конструктивную деятельность имеет два преимущества – полная загруженность оставляет им меньше времени на деструктивное поведение, а также позволяет направлять свою энергию в созидательное русло.

5. Усиленный контроль за агрессивными осужденными. Повышенное внимание со стороны сотрудников ИУ [9], внутренняя изоляция, ограничение контактов, нахождение в пределах жилой зоны, запрет на индивидуальное передвижение по территории ИУ.

Важнейшая роль в работе с такими осужденными отводится работникам психологических служб ИУ. В условиях коллективного содержания и постоянного психологического напряжения осужденных работа психологов с их установками, тренинги по управлению гневом, формированию навыков разрешения конфликтов является трудноосуществимыми.

Обучение осужденных навыкам регулирования и управления психолого-эмоциональным состоянием способствует развитию рефлексии, осознанию актуального состояния и вытекающего из него поведения, с дальнейшей возможностью снижения интенсивности агрессивных реакций [5, с. 447].

Внутренняя изоляция осужденных [7], склонных к насилию, должна рассматриваться как крайняя мера. Штрафной изолятор, помещения камерного типа, строгие условия отбывания наказания зачастую оказывают временный эффект (который ограничивается временем нахождения в таких помещениях), а чаще усиливают негативные установки осужденного, что отчасти связано с нахождением в тесном контакте с единомышленниками.

Механизм дифференциации осужденных должен включать в себя процедуры выявления, оценки, принятия решения об изоляции, мониторинг установок осужденного на агрессию, регулярный пересмотр рисков агрессивного поведения осужденного.

В справочнике ООН отмечается, что опора на индивидуальные оценки предполагает признание того, что отдельные факторы общего характера, такие как преступление, являющееся причиной осуждения, не всегда являются наилучшими косвенными показателями для оценки риска, который осужденный может создавать в условиях изоляции, и поэтому не относятся к числу подходящих самостоятельных детерминант принятия решений о классификации, категоризации и распределении. Например, лицо, не совершавшее насильственных

© Савушкин С.М.

деяний или представляющее низкий риск в плане применения насилия в будущем, может быть осуждено за то, что определяется как тяжкое преступление в соответствии с уголовным кодексом той или иной страны.

Условия отрядного содержания осужденных способствуют проявлению агрессии. Роль сотрудников ИУ по предупреждению насилия со стороны осужденных является неоценимой. Представляется необходимым регулярное обучение сотрудников методам распознавания склонности к насилию, техникам снижения напряженности, ведению переговоров, предотвращению конфликтов, действиям при нападении, профилактике выгорания и профессиональной деформации [10].

Необходима комплексная работа по поощрению сотрудников за своевременное выявление и предотвращение насилия, создание результативной системы наставничества в условиях оптимальной текучести кадров. Эффективность работы с осужденными, склонными к насилию, напрямую зависит от применения системного подхода. Это требует комплексного решения проблем, связанных с криминальной «зараженностью» и неформальной иерархией [11], а также выявления иных категорий опасных лиц, раздельной оценки рисков внутри ИУ и за его пределами, совершенствования методики изоляции.

Меры превентивного характера в отношении осужденных, склонных к насилию в отношении других лиц, содержащихся под стражей, должны представлять системный, многоуровневый комплекс, который включает в себя выявление, диагностику, изоляцию и последующее сопровождение осужденного. Н.Н. Кутаков указывает на то, что только посредством внедрения и применения комплекса обоснованных психологических, методических мер и рекомендаций по совершенствованию профессиональной подготовки сотрудников возможно снизить уровень криминальной угрозы и повысить уровень виктимологической безопасности [6, с. 60]. Принципами рассматриваемой деятельности должны быть законность, научность, дифференциация, динамичность, индивидуализация и прозрачность.

Заключение. Превенция насилия не должна сводиться к изоляции агрессоров. Основным ее элементом является создание условий, в которых насилие становится противоестественным, нелогичным, невозможным и неприемлемым. Данная деятельность требует системной работы, включающей в себя диагностику, психокоррекцию, совершенствование архитектоники исправительных учреждений и улучшение профессиональной культуры сотрудников ИУ. Только комплексный подход позволит снизить уровень насилия, обеспечить безопасность и создать условия для достижения целей уголовного наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства.

Список используемой литературы

1. Кутякин С.А. Социальная природа возникновения неформальных норм тюремного общежития – «понятий» в местах лишения свободы // Евразийский союз ученых. № 7-5 (7). 2014. С. 97–99. EDN: XGXMOB.

2. Усеев Р.З. Феномен опасности и безопасности в деятельности исправительных учреждений // Вестник Владимирского юридического института. № 4 (33). 2014. С. 65–72. EDN: TFBJFF.

3. Маликов Б.З. Онтология социальной опасности: ее значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осужденного // Право и государственность. 2024. № 1 (2). С. 88–94. EDN: PJQWAB.

4. Зауторова Э.В., Никитина Е.А. Коммуникативная агрессивность осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Психология и педагогика служебной деятельности. № 2. 2024. С. 53–56. DOI: 10.24412/2658-638X-2024-2-53-56 EDN: HVMKZJ.

5. Казберов П.Н. Роль проявления гнева и агрессивного поведения в адаптации осужденных к пенитенциарным и постпенитенциарным условиям // Проблемы современного педагогического образования. № 88-3. 2025. С. 445–447. EDN: UKJEQG.

6. Кутаков Н.Н. Профилактика агрессии осужденных в отношении со-трудников мест лишения свободы: виктимиологические и психолого-педагогические меры // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. № 2 (24). 2025. С. 50–63. EDN: MUAQWA.

© Савушкин С.М.

7. Прихожая Л.Е. Особенности лексического значения и семантических связей терминов «раздельное», «отдельное» и «изолированное» содержание осужденных к лишению свободы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1(44). С. 129–135. DOI 10.34988/2226-2326.2022.44.1.016. EDN: CFFUNM.

8. Пастушеня А.Н. Организационно-методическая модель включения осужденных в исправляющее обучение // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2(39). С. 52–59. EDN: ZCQDKD.

9. Гальцова Я.И., Качкина Л.С. Социально-психологические особенности осужденных за тяжкие насильственные преступления // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 2(285). С. 40–46. EDN: EXVFNX.

10. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Изучение взаимосвязи легитимизации насилия и склонности к агрессивным формам поведения // Психологическая наука и образование. 2008. Т. 13, № 1. С. 90–98. EDN: JXDPKT.

11. Косячок П.Д., Степанова Д.Ю. К вопросу о криминальной субкультуре и криминальной зараженности в исправительных учреждениях для осужденных женщин // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 2(8). С. 39–44. EDN: WTQQLF.

References

1. Kutyakin, S.A. Social Nature of the Emergence of Informal Norms of Prison Community Life – “Concepts” in Places of Deprivation of Liberty // Eurasian Union of Scientists. No. 7-5 (7). 2014. Pp. 97–99.

2. Useev, R.Z. Phenomenon of Danger and Safety in the Activities of Correctional Institutions // Bulletin of the Vladimir Law Institute. No. 4 (33). 2014. Pp. 65–72.

3. Malikov, B.Z. Ontology of Social Danger: Its Significance in Assessing Criminal Behavior and Achieving the Goal of Correcting a Convict // Law and Statehood. 2024. No. 1 (2). P. 93.

4. Zautorova, E.V., Nikitina, E.A. Communicative Aggression of Persons Convicted of Crimes against Sexual Inviolability and Sexual Freedom of the Individual // Psychology and Pedagogy of Service Activity. No. 2. 2024. P. 53–56.

5. Kazberov, P.N. The Role of Anger and Aggressive Behavior in the Adaptation of Convicts to Penitentiary and Post-Penitentiary Conditions // Problems of Modern Pedagogical Education. No. 88-3. 2025. P. 445–447.

6. Kutakov, N.N. Prevention of Convict Aggression toward Prison Staff: Victimological and Psychological-Pedagogical Measures // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. No. 2 (24). 2025. P. 50–63.

7. Prichozhaya L.E. Osobennosti leksicheskogo znacheniya i semanticheskikh svyazej terminov "razdel'noe", "otdel'noe" i "izolirovannoe" soderzhanie osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Features of lexical meaning and semantic relations of the terms "separate", "detached" and "isolated" confinement of convicts sentenced to imprisonment]. Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii [Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Journal]. 2022. No. 1(44). Pp. 129–135. DOI 10.34988/2226-2326.2022.44.1.016. EDN: CFFUNM.

8. Pastushenya A.N. Organizatsionno-metodicheskaya model' vklyucheniya osuzhdennykh v ispravlyayushchee obuchenie [Organizational and methodological model of inclusion of convicts in corrective training]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology]. 2017. No. 2(39). Pp. 52–59. EDN: ZCQDKD.

9. Gal'tsova Ya.I., Kachkina L.S. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti osuzhdennykh za tyazhkie nasil'stvennye prestupleniya [Socio-psychological characteristics of those convicted of serious violent crimes]. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Vedomosti of the Penal System]. 2026. No. 2(285). Pp. 40–46. EDN: EXVFNX.

10. Enikolopov S.N., Tsibul'skij N.P. Izuchenie vzaimosvyazi legitimizatsii nasiliya i sklonnosti k agressivnym formam povedeniya [Study of the relationship between the legitimization of violence and the propensity to aggressive behavior]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]. 2008. Vol. 13. No. 1. Pp. 90–98. EDN: JXDPKT.

11. Kosyachok P.D., Stepanova D.Yu. K voprosu o kriminal'noj subkul'ture i kriminal'noj zarazhennosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh dlya osuzhdennykh zhenshchin [On the issue of criminal subculture and criminal contamination in correctional institutions for convicted women]. Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii [Bulletin of the Tomsk Institute of Advanced Training of Workers of the Federal Penitentiary Service of Russia]. 2021. No. 2(8). Pp. 39–44. EDN: WTQQLF.

© Савушкин С.М.

Сумачев Алексей Витальевич

профессор Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Sumachev Alexey V.

professor of the Academic department Schools of law and management University of Tyumen, doctor of law, professor

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026

одобрена после рецензирования 26.03.2026

принята к публикации 15.06.2026

Тюмень
Российская Федерация

Tyumen
Russian Federation

alekssumachev@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 3228-9170
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1133-9574

УДК: 343.8

Особенности уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних

Features of Russia's penal enforcement policy in relation to minors

Аннотация. Актуальность. Нет сомнений в том, что исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних имеет свои особенности. В статье рассмотрены отдельные особенности уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних**.**

Целью является анализ особенностей достижения целей наказаний, применяемых к несовершеннолетним, специфика организации специальных учреждений и органов по исполнению наказаний в отношении несовершеннолетних, а также социализации лиц, отбывших наказание в несовершеннолетнем возрасте.

Выводы. Исследование специфики отбывания наказания осужденными несовершеннолетними позволяет сделать вывод о наличии особенностей уголовно-исполнительной политики в отношении этой категории преступников, имеющей свои специфические цели, принципы, стратегию, формы и методы деятельности государства и общественных объединений по обеспечению исполнения наказания, исправлению (воспитанию) несовершеннолетних осужденных, предупреждению совершения новых преступлений как осужденными несовершеннолетними, так и иными лицами несовершеннолетнего возраста.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, несовершеннолетний, цели наказания, социализация несовершеннолетних осужденных.

Annotation. Relevance. There is no doubt that the execution of punishments against minors has its own peculiarities. The article discusses some features of Russia's penal enforcement policy in relation to minors.

The purpose is to analyze the specifics of achieving the goals of punishment applied to minors, the specifics of the organization of special institutions and bodies for the execution of punishments against minors, as well as the socialization of persons who have served their sentences at a minor age.

Conclusions. The study of the specifics of serving sentences by convicted minors allows us to conclude that there are features of the penal enforcement policy in relation to this category of criminals, which has its own specific goals, principles, strategy, forms and methods of activity of the state and public associations to ensure the execution of sentences, correction (education) of juvenile convicts, prevention of the commission of new crimes as convicted minors, as well as other persons of minor age.

Keywords: penal enforcement system of the Russian Federation, minor, purposes of punishment, socialization of juvenile convicts.

Для цитирования: *Сумачев А.В.* Особенности уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних // Научные исследования преступления и наказания. № 2 (6). 2026. С. 53–60.

For citation: *Sumachev Alexey V.* Features of Russia's penal enforcement policy in relation to minors// Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 2 (6). 2026. P. 53–60.

Введение. Нет сомнений в том, что преступность несовершеннолетних составляет основу для воспроизводства преступности в целом, а свой первый противоправный опыт профессиональные преступники, как правило, приобретают в юности. Соответственно, уровень

© Сумачев А.В.

рецидивности в современной России остается высоким, а наблюдаемое в последние годы снижение преступности несовершеннолетних незначительно. Для глубокого осмысления проблемы следует предварительно определить место уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в общей системе противодействия преступности. Данная сфера, выступая органичной частью единой уголовной политики государства, относится к элементам его внутренней направленности. При этом в юридической литературе справедливо обосновывается недопустимость установления знака равенства между уголовной и пенитенциарной политикой. Последняя обладает собственным предметом регулирования, а участники уголовно-правовых отношений далеко не всегда становятся субъектами уголовно-исполнительных [1, с. 8]. Несмотря на тесную взаимосвязь с нормами материального права, процесс исполнения наказаний сохраняет существенную автономию и способен оказывать на них обратное влияние. Более того, профильные решения нередко прямо противоречат общим карательным тенденциям [2, с. 11]. Например, на фоне возможного ужесточения репрессии за ряд деяний, современный вектор работы с правонарушителями-подростками ориентирован на дальнейшую гуманизацию. Подобный диссонанс отчетливо подчеркивает специфику и самостоятельность анализируемой нами темы.

Далее, стоит утверждать, что в системе правоохранительных органов особое место занимает уголовно-исполнительная система (УИС), которая, наряду с правоохранительными функциями, реализует задачи воспитания осужденных, производственно-хозяйственную деятельность, материально-бытовое и медицинское обеспечение.

Обсуждения и результаты. Общеизвестно, что предметом уголовно-исполнительной (как и уголовной в целом) политики является преступность, которая складывается из ряда значительных блоков [3, с. 27]. Первым в их числе является совокупность преступлений, совершенных несовершеннолетними, влияющая на проблемы преступного насилия, преступления в семейно-бытовой сфере, преступную корысть, в частности, преступления против собственности, еще в большей степени – рецидивную и организованную преступность. Сказанное позволяет рассматривать уголовно-исполнительную политику в отношении несовершеннолетних как важную составную часть борьбы с преступностью в целом.

Соответственно, можно говорить и о возможности условного выделения отдельной составной части уголовно-исполнительной политики, а именно, в отношении несовершеннолетних. Ее эволюция в России демонстрирует сложный переход от исключительно карательных мер к педагогически обоснованным формам ресоциализации. Анализ исторического опыта позволяет выделить три ключевых этапа, предопределивших современные концептуальные подходы:

Дореволюционный период (вторая половина XIX – начало XX вв.). Характеризуется первыми системными попытками институционализации специальных учреждений (приютов и земледельческих колоний) для малолетних правонарушителей. В этот период происходит постепенный отход от сугубо карательного подхода за счет внедрения педагогических принципов, в частности, принципа педагогического оптимизма, опоры на положительные качества личности подростка и организации посильного труда, активно продвигаемых А.Я. Гердтом [4, с. 41]. При этом проблема совместного содержания несовершеннолетних со взрослыми преступниками, ведущая к ранней криминализации первых, оставалась нерешенной.

Советский период (1917–1991 годы). Данный этап отличался определенной степенью непоследовательности. Первоначальный отказ от тюремного заключения для подростков (1918 год) и успешный опыт трудовых коммун А.С. Макаренко, базирующийся на строгой дисциплине и самоуправлении, сменились в середине 1930-х годов жестким репрессивным вектором, снижением возраста уголовной ответственности и включением подростков в общую систему лагерей [5, с. 88]. Возврат к идеям гуманизации и дифференциации воспитательного воздействия, основанного на достижениях пенитенциарной психологии

© Сумачев А.В.

и педагогики, произошел лишь в 1960–1970-е годы (в частности, в трудах Г.М. Миньковского), когда приоритетными вновь стали общевоспитательные цели [6].

Постсоветский период (с 1991 года по настоящее время). Переход к современному этапу ознаменовался закреплением на доктринальном и законодательном уровнях идеи гуманизации исполнения уголовных наказаний. Формируется новая нормативная база, ориентированная не только на изоляцию, но и на обеспечение ресоциализации, смягчение условий отбывания наказания и внедрение международных стандартов обращения с несовершеннолетними правонарушителями [5, с. 89].

Проведенный краткий ретроспективный анализ позволяет сделать промежуточный вывод. Он состоит в том, что результативность исправительного воздействия на несовершеннолетних прямо пропорциональна степени обособления их от взрослых криминальных элементов и уровню интеграции педагогических методов в процесс исполнения наказания.

Современная уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних, как представляется, обусловлена рядом черт, которые выражаются:

1) в особенностях целей и принципов политики государства в борьбе с преступностью несовершеннолетних;

2) в правовых нормах, регулирующих указанную сферу политики;

3) в организации специальных учреждений и органов по исполнению наказаний в отношении несовершеннолетних;

4) в особенностях социализации лиц, отбывших наказание в несовершеннолетнем возрасте.

Особенности целей и принципов политики государства в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Уголовно-исполнительная политика имеет свои цели. Н.А. Стручков едва ли не впервые определял их следующим образом: «Цели же уголовно-исполнительной политики ориентируют соответствующие органы государства и общественные организации на то, чтобы назначенное осужденному наказание было исполнено надлежащим образом, иными словами, чтобы оно карало преступника и в то же время, само по себе, будучи соединенным с исправительно-трудовым воздействием, достигало с наибольшей эффективностью цели исправления и перевоспитания осужденного, а также предупреждения совершения новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами» [7, с. 94]. При этом, вторая часть определения фактически называет цели наказания: исправление осужденного, а также предупреждение совершения новых преступлений осужденными и иными лицами. Цели наказания едины независимо от вида учреждения и от того, кто в нем отбывает наказание: несовершеннолетний или взрослый преступник, мужчина или женщина, впервые осужденный или рецидивист.

Однако, как представляется, некоторые вопросы определения целей наказания применительно к несовершеннолетним имеют свои особенности. Анализ целей наказания в отношении несовершеннолетних необходимо проводить с учетом социального назначения всего уголовного закона.

Так, важной целью наказания является восстановление социальной справедливости. Анализируя действующее уголовное законодательство, можно сделать вывод, что содержание понятия «восстановление социальной справедливости» раскрывается опосредствованно через другие термины: «возмещение ущерба от преступления», «общепризнанные принципы и нормы», «наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления», а также через закрепленные в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) принципы гуманизма и справедливости.

Относительно принципа справедливости, в соответствии с которым наказание, назначенное осужденному, должно быть эквивалентным тем страданиям потерпевшего, которые ему были нанесены в результате преступления (ч. 1 ст. 6 УК РФ), можно заметить следующее.

© Сумачев А.В.

Указанный эквивалент вряд ли будет справедлив применительно к несовершеннолетним преступникам. Назначая наказание этой категории преступников, следует принимать во внимание, прежде всего, принципы гуманизма, целесообразности и эффективности.

Цель исправления осужденного касается всех категорий осужденных, в том числе несовершеннолетних. В этом случае требуется учитывать индивидуальные особенности несовершеннолетних преступников, в частности:

анатомо-физиологические, психологические и нравственно-этические качества характера;

непродолжительный жизненный опыт;

продолжающийся процесс их социализации;

присутствие у многих из них прочных антиобщественных установок.

В этой связи, более приемлемым представляется использование в качестве цели наказания термина «воспитание» либо «воспитание и исправление», чем «исправление». Указанное предложение подкрепляется тем, что все основные средства исправления осужденных, закрепленные в уголовно-исполнительном законодательстве, имеют ярко выраженный воспитательный характер [8, с. 178].

Углубляя анализ заявленных целей и принципов, следует обратить внимание на противоречие отдельных правовых установок. С одной стороны, принцип справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ) требует эквивалентности наказания причиненным потерпевшему страданиям. С другой стороны, применительно к несовершеннолетним правонарушителям доминирующей тенденцией современной уголовно-исполнительной политики выступает дальнейшая гуманизация и постепенный отход от кары за содеянное в пользу восстановления социальной справедливости [9, с. 57]. Указанная тенденция исторически базировалась на ряде международных стандартов (в частности, Пекинских правилах и Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы)[1], прямо декларирующих, что помещение подростка в исправительное учреждение должно применяться исключительно в качестве крайней меры и на минимально необходимый срок.

Вместе с тем, современный этап развития уголовно-исполнительной политики характеризуется существенным изменением внешнеполитического вектора. В связи с принятием Федерального закона от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»[2] и утверждением Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[3], приоритет закономерно смещается в сторону учета суверенных национальных интересов. Как подчеркивает Конституционный Суд Российской Федерации, нормы международного права подлежат реализации в отечественной правовой системе только при условии признания высшей юридической силы Конституции Российской Федерации[4].

Подобный отход от безусловного приоритета международных актов не означает отказа от вектора гуманизации. Напротив, национальная Концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года закрепляет курс на обеспечение условий,

[1] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.

[2] О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

[3] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026)// СПС КонсультантПлюс

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П // СПС КонсультантПлюс

© Сумачев А.В.

не унижающих человеческого достоинства[5], а также на ресоциализацию и социальную адаптацию. Таким образом, национальная модель исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних окончательно переносит смысловой акцент с возмездия на минимизацию разрушительных последствий изоляции и формирование у подростка уважительного отношения к обществу и труду [10, с. 9].

Достижение целей наказания в отношении несовершеннолетних возможно путем оптимального соотношения общей и специальной превенции. Следует предположить, что эффект от общепредупредительного воздействия наказания на несовершеннолетних гораздо слабее, чем от аналогичного воздействия на взрослого. Это зависит не только от гуманности закона, но и от самого восприятия подростками наказания. Последнее, как замечал в свое время В.Н. Кудрявцев, определяется более низким уровнем правовой культуры несовершеннолетнего, чем у взрослого, недостаточным образованием, наличием инфантильности [11, с. 46].

Вместе с тем, на наш взгляд, здесь недопустимо и преувеличение значения специального предупреждения. Соответственно, вывод Л.А. Ключинской о том, что «при изучении социальной эффективности уголовного наказания в отношении несовершеннолетних доминирующее значение должна иметь специальная превенция», можно подвергнуть сомнению [12, с. 106].

Особенности правовых норм, регулирующих уголовно-исполнительную политику в отношении несовершеннолетних. Уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних реализуется в актах различного характера. Речь идет об особенностях назначения и исполнения наказания данной категории правонарушителей, определяемых в соответствующих главах УК РФ и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). При этом анализ ряда международных стандартов в сфере обращения с несовершеннолетними осужденными и организации исполнения в отношении них уголовных наказаний показывает, что УИК РФ в основном воспринял закрепленные международные принципы. Нормы рекомендательного характера международных организаций реализуются в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве при наличии необходимых экономических и социальных возможностей.

Особенности организации специальных учреждений и органов по исполнению наказаний в отношении несовершеннолетних. Организация надлежащей деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в отношении несовершеннолетних, несомненно, имеет свою специфику. Если речь идет о несовершеннолетнем преступнике, отбывающем наказание в виде лишения свободы, то оно исполняется в воспитательных колониях. В них устанавливаются обычные, облегченные, строгие и льготные условия отбывания наказания. Питание, вещевое довольствие и коммунально-бытовое обеспечение лиц, содержащихся в воспитательных колониях, осуществляется по повышенным нормам, учитывающим физиологические потребности подростков. Более того, персонал данных учреждений должен иметь соответствующую подготовку и навыки работы с молодежью.

Помимо специфики внутренних условий содержания, практическая реализация лишения свободы в отношении несовершеннолетних на современном этапе сталкивается с рядом системных проблем. Для их объективного осмысления необходимо учитывать актуальный криминологический портрет воспитанника. Как в своей работе указывают С.И. Паканич и А.В. Перминов, подавляющее большинство лиц, рассматриваемой категории (около 98 %), отбывают наказание в виде лишения свободы впервые, при этом значительную долю составляют лица, осужденные за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (до 19 %) и преступления против половой неприкосновенности (до 14 %), а основной возрастной контингент – это подростки 16–17 лет (около 65 %) [9, с. 62].

[5] О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) // СПС КонсультантПлюс

© Сумачев А.В.

На фоне общего снижения подростковой преступности и расширения практики применения альтернативных видов наказаний произошло резкое сокращение количества воспитательных колоний. Данная оптимизация структуры уголовно-исполнительной системы породила серьезную логистическую и правовую коллизию: фактическую невозможность реализации закрепленного в законе принципа отбывания наказания в регионе проживания осужденного. Направление подростков в отдаленные субъекты неизбежно ведет к разрыву социально полезных (в первую очередь – родственных) связей, что критически снижает потенциал успешной ресоциализации.

Другой острой проблемой выступает регламентированный перевод осужденных, достигших 18-летнего возраста (в исключительных случаях – 19 лет), в исправительные колонии общего режима для взрослых. Подобный перевод выступает сильнейшим стрессовым фактором, зачастую нивелирует достигнутые результаты воспитательного воздействия и создает прямую угрозу криминального заражения со стороны профессиональной преступной среды. В качестве способа разрешения данных противоречий целесообразно рассматривать создание изолированных участков, функционирующих как исправительная колония общего режима, непосредственно при воспитательных колониях для отбывания наказания лицами старше 18 лет, а также экспериментальное внедрение одиночного камерного размещения в ночное время суток в целях обеспечения личной безопасности воспитанников [9, с. 65].

Особенности социализации лиц, отбывших наказание в несовершеннолетнем возрасте. Отметим, что проблемы социальной реабилитации несовершеннолетних, отбывших наказание, связанные с изоляцией от общества, необходимо решать в рамках уголовно-исполнительной политики. Как представляется, следует вернуться к специальной системе контроля за лицами, освободившимися из воспитательных колоний – в течение года в отношении таких лиц устанавливается совместное наблюдение силами сотрудников как воспитательной колонии, так и комиссий по делам несовершеннолетних, а затем – уголовно-исполнительных инспекций.

Важным шагом в решении обозначенных проблем ресоциализации стало принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»[6]. Данный нормативный правовой акт выводит процесс социальной адаптации на качественно новый уровень. Внедряемый институт пробации предполагает переход от исключительно надзорно-контрольных функций к комплексному взаимодействию учреждений уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества, образовательными, медицинскими и религиозными организациями. Применительно к несовершеннолетним правонарушителям подобный подход имеет критическое значение. Он позволяет на системной основе восстанавливать утраченные социально полезные связи, оказывать адресную психологическую поддержку и содействовать в получении образования и последующем трудоустройстве. Оптимизация системы пробации и активное вовлечение в этот процесс структур гражданского общества выступают сегодня одним из ключевых вызовов современной пенитенциарной политики, реализация которого способна существенно минимизировать риски постпенитенциарного рецидива среди молодежи [10, с. 10]. Программы социальной помощи и защиты подростков, отбывших уголовное наказание, должны стать составной частью уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних.

Выводы. Проведенное исследование позволяет констатировать, что уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних в современной России представляет собой сложную, динамически развивающуюся систему, стремящуюся к балансу между государственным принуждением и педагогической необходимостью. На основании анализа специфики исполнения наказаний можно сформулировать отдельные итоговые положения.

[6] О пробации в Российской Федерации : федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС КонсультантПлюс.

© Сумачев А.В.

В первую очередь следует констатировать, что уголовно-исполнительная политика в отношении подростков окончательно обособилась в самостоятельное направление, где смысловой акцент смещен с возмездия (кары) на минимизацию деструктивных последствий изоляции и приоритет воспитательного воздействия. Однако достижение целей наказания осложняется спецификой восприятия санкций несовершеннолетними, что требует признания важной роли воспитания над формальным исправлением.

Во-вторых, обращает на себя внимание существующий разрыв между установками на ресоциализацию и фактической организацией системы воспитательных колоний. Сокращение их количества приводит к нарушению принципа отбывания наказания в регионе проживания, разрыву социально полезных связей и создает риски «криминального заражения» при вынужденном переводе воспитанников во взрослые исправительные учреждения.

В-третьих, внедрение института пробации выступает эффективным инструментом преодоления рецидивной преступности. Его результативность напрямую зависит от глубины интеграции усилий органов УИС, образовательных организаций и институтов гражданского общества в процессе постпенитенциарной адаптации.

Список используемой литературы

1. Тепляшин, П.В. Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации: понятие, содержание, формы выражения и методологический инструментарий // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 1(74). С. 6–14. EDN: VTSYQX

2. Селиверстов В.И., Грушин Ф.В. Роль уголовно-исполнительной политики и ее соотношение с уголовно-правовой политикой Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 9–15. EDN: GQEEJC

3. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 176 с.

4. Беляева Л.И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России : в 3 ч. М.; Воронеж, 2007. Ч. 1. Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. 113 с.

5. Белова Н.А. К истории изучения уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 9. С. 86–90. EDN: LPXHSF

6. Миньковский Г.М. Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР: автореф. дис. … доктора юрид. наук: 12.00.07, 12.00.08 / Миньковский Генрих Михайлович. М., 1972. 43 с.

7. Стручков Н.А. Наказание как средство борьбы с преступностью // Советское государство и право. М.: Наука, 1969, № 11. С. 91–98.

8. Миньковский Г.М. Некоторые вопросы правовой регламентации деятельности исправительно-трудовых учреждений для несовершеннолетних // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1961. С. 182–189.

9. Паканич С.И., Перминов А.В. К вопросу об уголовно-исполнительной политике в отношении несовершеннолетних осужденных к лишению свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 1(19). С. 57–66. EDN: IPAPBT.

10. Полищук Н.И. Современная уголовно-исполнительная политика России: вызовы, цели, и перспективы // Профессиональное юридическое образование и наука. 2025. № 3(19). С. 8–11. EDN: YIYHKT.

11. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения. М.: Юрид. лит., 1968. 176 с. EDN: ZGTPYF

12. Ключинская Л.А. Социальная эффективность лишения свободы как правонарушителей // Советское государство и право. 1966. № 1. С. 105–108.

References

1. Teplyashin, P.V. Criminal-executive policy of the Russian Federation: concept, content, forms of expression, and methodological tools // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2025. No. 1 (74). pp. 6–14. EDN: VTSYQX.

2. Seliverstov, V.I., Grushin, F.V. The role of criminal-executive policy and its relationship with the criminal-legal policy of the Russian Federation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (55). pp. 9–15. EDN: GQEEJC.

3. Belyaev, N.A. Criminal-legal policy and ways of its implementation. L.: Publishing house of Leningrad. University, 1986. 176 p.

4. Belyaeva, L.I. Education of Juvenile Offenders in Russia: In 3 Parts. Moscow; Voronezh, 2007. Part 1. Institutions for Juvenile Offenders in the Russian Empire. 113 p.

© Сумачев А.В.

5. Belova, N.A. On the History of the Study of Criminal-Executive Policy Regarding Minors in Russia // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2009. No. 9. pp. 86–90. EDN: LPXHSF.

6. Minkovsky, G.M. Personality of a Juvenile Offender and Contemporary Problems of Combating Juvenile Crime in the USSR: Abstract of a Doctor of Law Dissertation: 12.00.07, 12.00.08 / Minkovsky, Genrikh Mikhailovich. Moscow, 1972. 43 p.

7. Struchkov, N.A. Punishment as a Means of Combating Crime // Soviet State and Law. Moscow: Nauka, 1969, No. 11.Pp. 91–98.

8. Minkovsky, G.M. Some Issues of Legal Regulation of the Activities of Correctional Labor Institutions for Minors // Problems of the Development of Soviet Correctional Labor Legislation. Saratov: Publishing House of the Saratov Legal Institute, 1961. Pp. 182–189.

9. Pakanich, S.I., Perminov, A.V. On the Issue of Criminal-Executive Policy in Relation to Juveniles Sentenced to Imprisonment // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024. No. 1 (19). Pp. 57–66. EDN: IPAPBT.

10. Polischuk N.I. Modern Criminal-Executive Policy of Russia: Challenges, Goals, and Prospects // Professional Legal Education and Science. 2025. No. 3(19). Pp. 8–11. EDN: YIYHKT.

11. Kudryavtsev V.N. Causality in Criminology. On the Structure of Individual Criminal Behavior. Moscow: Legal Literature, 1968. 176 p. EDN: ZGTPYF.

12. Klyuchinskaya L.A. Social Efficiency of Deprivation of Liberty for Offenders // Soviet State and Law. 1966, No. 1. Pp. 105–108.

© Сумачев А.В.

Епифанов
Станислав Станиславович

профессор кафедры
оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России, доктор
юридических наук, доцент

Epifanov
Stanislav S.

Associate Professor
Professor of the Department
of Operational-Investigative Activities
of the Academy of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Doctor of Law,
associate professor

Статья поступила
в редакцию:
10.04.2026

одобрена после
рецензирования
05.06.2026

принята
к публикации
15.06.2026

Рязань
Российская Федерация

Ryazan
Russian Federation

ess-rzn@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 3465-3020
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4560-2606

УДК: 343.8

Исследование понятий в области научно-технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности

Research into Concepts in the Field of Scientific and Technical Support for Operational-Search Activities

Аннотация. Актуальность. Понятийный аппарат теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в части использования технических средств характеризуется терминологической неоднородностью в доктрине и нормативных правовых актах. Непрерывное развитие технологий получения и обработки информации обусловливает объективную потребность в систематизации знаний об организации и тактике применения научно-технических достижений оперативными подразделениями. Формирование единого подхода к правовым, организационным и методическим аспектам внедрения методов ОРД строго необходимо для развития частной теории ее научно-технического обеспечения.

Цель. Унификация понятийно-терминологического аппарата, описывающего применение научно-технических средств в оперативно-розыскной деятельности, а также разработка предложений, базирующихся на результатах частной теории научно-технического обеспечения ОРД.

Методы. Диалектический метод научного познания позволил рассмотреть явления и процессы в изучаемой области в развитии, динамике, социальной взаимосвязи, обусловливающей обстоятельства и тенденции совершенствования системы применения технических средств для обеспечения ОРД с учетом многообразия форм, средств, технологий. Комплексно применялись анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, абстрагирование и конкретизация, обобщение, аналогия.

Результаты. Обосновано развитие оперативно-розыскной науки, в частности, ее раздела о методах и средствах ОРД. Обосновано междисциплинарное научное направление – частная теория научно-технического обеспечения ОРД. Данная теория позволяет на основе интеграции теоретико-прикладных знаний систематизировать организационные, тактические, методические и правовые основы применения научно-технических средств в целях выявления, предупреждения и раскрытия преступлений.

Сформулированы компоненты научно-технического обеспечения ОРД в организационно-структурном аспекте. Установлено, что эффективность функционирования информационных фондов, специализированных подразделений и центров обеспечения напрямую зависит от качества внедряемой научной юридической и технической продукции.

Определены требования к системе профессиональной подготовки, переподготовки и повышению квалификации оперативных сотрудников. Обосновано, что функционирование научно-исследовательских и образовательных организаций должно быть ориентировано на актуальные запросы практики, что обеспечивается внедрением специализированных программ обучения по вопросам применения технических средств и методов в ОРД.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, понятийный аппарат, технические средства, оперативная техника, научно-техническое обеспечение.

Abstract. Relevance. The conceptual framework of the theory of operational-search activity (OSA), specifically regarding the use of technical means, is characterized by terminological inconsistency both in doctrine and in normative legal acts. The continuous development of technologies for information acquisition and processing creates an objective necessity for systematizing knowledge regarding the organization and tactics of applying scientific and technical achievements by operational units. The formation of a unified approach to the legal, organizational, and methodological aspects

© Епифанов С.С.

of implementing OSA methods is strictly necessary for the development of the specialized theory of its scientific and technical support.

Objective. To unify the conceptual and terminological framework describing the application of scientific and technical means in operational-search activity, and to develop proposals based on the results of the specialized theory of scientific and technical support for OSA.

Methods. The dialectical method of scientific cognition enabled the examination of phenomena and processes within the studied field in terms of development, dynamics, and social interconnection, which determine the circumstances and trends in improving the system of applying technical means for OSA support, taking into account the diversity of forms, resources, and technologies. A complex approach was employed, incorporating analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, abstraction and concretization, generalization, and analogy.

Results. The development of operational-search science, particularly its section on OSA methods and means, is substantiated. An interdisciplinary scientific direction is established: the specialized theory of scientific and technical support for OSA. This theory, based on the integration of theoretical and applied knowledge, allows for the systematization of organizational, tactical, methodological, and legal foundations for the application of scientific and technical means for the purposes of detecting, preventing, and solving crimes. Components of scientific and technical support for OSA are formulated in an organizational and structural aspect. It is established that the efficiency of information funds, specialized units, and support centers directly depends on the quality of the implemented scientific legal and technical output. Requirements for the professional training, retraining, and advanced qualification system for operational personnel are defined. It is substantiated that the functioning of research and educational organizations must be oriented toward the current demands of practice, which is ensured by the implementation of specialized training programs on the application of technical means and methods in OSA.

Keywords: operational-search activity, conceptual framework, technical means, operational equipment, scientific and technical support.

Для цитирования: *Епифанов С.С.* Исследование понятий в области научно-технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Научные исследования преступления и наказания. № 2 (6). 2026. С. 61–67.

For citation: *Epifanov Stanislav S.* Research into Concepts in the Field of Scientific and Technical Support for Operational-Search Activities // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 2 (6). 2026. P. 61–67.

Введение. Исследование понятий, терминов, их содержания и определение направлений научного развития в аспекте обозначенной темы исследования обусловлено стремлением права урегулировать отношения и процессы, вызванные научно-техническим прогрессом, его влиянием на юридическую сферу, тематику исследований в области уголовно-правовых наук, теории ОРД. Существующие и перспективные информационные, телекоммуникационные, технологические возможности влияют на организацию, тактику и методы борьбы с преступностью, определяют научную и практическую необходимость улучшения результативности ОРД. Техника выступает как «важнейший инструмент деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений» [1, с. 266]. Понятие «техника» интегрирует не только средства труда, машины, механизмы, приборы, устройства и др., но и выполнение определенных приемов, движений, действий. В области уголовно-правовых наук, в теории ОРД интерес представляют вопросы совершенствования научных, правовых, организационно-тактических, методических основ применения техники в качестве средства ОРД в борьбе с преступностью. Это особенно актуально в условиях существующей криминальной активности в информационно-телекоммуникационной среде и необходимости применения средств и методов ОРД в сетевом пространстве, что требует дальнейшего совершенствования правового регулирования, организации и тактики ОРД на системной научной основе.

Обоснование и обсуждение. Техника – это результат научной, творческо-познавательной деятельности. Существует неотделимая связь науки и техники, определяемая тезисом: «без науки нет техники». Указанный тезис изложил отечественный философ немецкого происхождения П. К. Энгельмейер (1885–1941 годы) в работе «Философия техники» (1912 год), где он уже тогда кратко обозначил социальную суть техники, характерную для нашего времени: «без техники человек потерян» [2].

© Епифанов С.С.

В результате научного знания человек создает и совершенствует технику, «заставляет» ее работать так, как ему (человеку) это необходимо, решая социальные проблемы, в числе которых – борьба с преступностью. На социальную функцию техники применительно к борьбе с преступностью указывал Д.В. Гребельский [3, с. 118], справедливо полагая, что изучение в этом аспекте современной техники должно осуществляться прикладными юридическими науками, в числе которых – теория ОРД и соответствующими специальными дисциплинами.

Для осуществления ОРД значение имеют не только собственно технические средства, но и вырабатываемые теорией и практикой методы и правила обращения с техникой, оптимальные способы ее негласного использования. Важным является наличие установленных ведомственными актами полномочий у сотрудников оперативных подразделений [4, с. 49–50], в том числе в использовании техники для повышения результативности ОРД.

Генезис и развитие технических средств ОРД определяются результатами естественных и технических наук, совершенствованием производства и технологий, дифференциацией технико-криминалистического учения о специальных средствах предотвращения и раскрытия преступлений, развитием оперативно-розыскной науки, ее предмета, изучением путей оптимизации, результативности ОРД, необходимостью конспирации, негласных действий.

Обобщенно под техническимисредствами, применяемыми для обеспечения ОРД, можно понимать совокупность приборов, устройств, материалов, конструкций[1], созданных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) на основе достижений научно-технического прогресса и развития технико-криминалистических, оперативно-технических, тактико-специальных, инженерно-технических, информационно-аналитических методов, их приложения на сферу ОРД.

Научно-техническое обеспечение ОРД подразумевает использование комплекса необходимых для ОРД средств, обусловленных научно-техническим прогрессом. Из этого следует, что в систему рассматриваемого понятия входит совокупность (комплекс) подсистем. В числе этих подсистем можно рассматривать оперативно-техническое и технико-криминалистическое обеспечение [5, с. 21], а также другие подсистемы средств, применение которых обусловлено, в частности, уголовно-исполнительным законодательством, информационным законодательством, законодательством о государственной тайне и др.

Классификация технических средств как криминалистических обусловлена их адаптацией к задачам раскрытия и расследования преступлений. При этом современные тенденции интеграции в криминалистике расширяют сферу применения технико-криминалистических рекомендаций, распространяя их на гражданское, арбитражное судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях, а также на область служебных проверок.

Вместе с тем в терминологии, используемой в научной и учебной литературе, на практике, начиная с 1960-х годов, понятие «специальная техника» включало в себя все технические средства, используемые в борьбе с преступностью, и способы их применения. В 1970-х годах в специальной юридической литературе наибольшее распространение приобрела классификация видов специальной техники, учитывающая основные направления деятельности

[1] Под прибором понимается специальный аппарат для осуществления какой-нибудь работы, управления, регулирования, контроля, вычисления, фиксации, хранения, обработки, приема, передачи информации, приспособление, набор принадлежностей. Устройство – это техническое сооружение, механизм, машина. Конструкция – состав и взаимное расположение частей какого-нибудь построения, сооружения, механизма, а также само такое построение, сооружение. Материал – предметы и вещества, используемые при изготовлении чего-либо.

© Епифанов С.С.

органов внутренних дел. По функциональному признаку специальная техника в этот период подразделялась на основные виды:

оперативная, криминалистическая и административная [6, с. 8]. Заметим, что технико-криминалистические методы используются в раскрытии административных правонарушений, при проведении административных расследований, оставаясь при этом именно технико-криминалистическими, а не «административной техникой».

С 1980-х годов прослеживается предупредительный, оперативно-розыскной, уголовно-исполнительный аспекты предназначения технических средств, относимых к специальной технике. Расследование преступлений прямо не рассматривалось как направление использования специальной техники, разграничивались понятия криминалистической и специальной техники. Дальнейшее развитие понятийной характеристики специальной техники сформировало ее основные направления: обеспечение охраны общественного порядка, борьба с преступностью, обеспечение режима и охраны.

Полагаем, что наряду с общей категорией специальной техники, существуют и ее частные понятия, изначально отражающие ведомственную направленность и специфику. Это подтверждается и тем, что теоретико-прикладная основа применения специальной техники в борьбе с преступностью заложена теоретическими и практическими работами, систематизированными учебной дисциплиной, применительно к деятельности органов внутренних дел («Специальная техника ОВД»), где ранее средствам, используемым в местах лишения свободы, отводился отдельный раздел.

Вместе с тем техническое оснащение учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) имеет свою историю [7, с. 16–21], специфику, вытекающую из задач, функций, возложенных на систему исполнения наказаний и ее оперативные подразделения [8, с. 449–471]. Считаем, что специальная техника УИС может пониматься как «совокупность технических средств и приемов их правомерного использования сотрудниками УИС в процессе обеспечения охраны объектов, осуществления надзора, выполнения задач ОРД».

Относительно ОРД применим термин «специальная техника оперативно-розыскного назначения» или, условно, – «оперативная техника». Под таковой следует понимать совокупность технических средств и специальных приемов их негласного применения оперативными подразделениями в процессе осуществления ОРД. Определение понятия «оперативная техника» включает в себя не только собственно технические средства (различные приборы и приспособления), но и специальные знания, способы (методы) их эффективного конспиративного применения в ОРД. Также в ОРД используются технологии двойного назначения[2]. Под специальным техническим средством, предназначенным для негласного получения информации, понимается «специально созданное изделие, содержащее электронные компоненты, скрытно внедряемое (закладываемое или вносимое) в места возможного съема речевой, визуальной или обрабатываемой информации (в том числе в конструкции помещений, оборудование, предметы интерьера, в салоны транспортных средств, в технические средства и системы обработки информации)»[3].

[2] Технология двойного назначения представляет собой совокупность научно-технических знаний, процессов, материалов, оборудования, объектов интеллектуальной собственности, которые могут быть использованы при разработке, производстве, эксплуатации, модернизации и утилизации продукции военного и гражданского назначения (См.: Сотрудничество государств – участников СНГ военно-экономическое. Термины и определения. ГОСТ 31278-2004, введен приказом Ростехрегулирования от 09.10.2006 № 224-ст). Соответственно техника двойного назначения – это техника, которая используется как в целях обеспечения потребностей граждан и экономики, так и в интересах обороны и безопасности страны. К техническим средствам двойного назначения, можно отнести, например, отдельные модели средств радио, проводной, космической связи, навигации, шифрования, защиты информации, бинокли, прицелы и приборы ночного видения, металлоискатели.

[3] Положение о лицензировании деятельности по выявлению электронных устройств, предназначенных для негласного получения информации (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) : утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 16.04.2012 № 314 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

© Епифанов С.С.

Целесообразно учитывать «содержание деятельности» [9, с. 41], в рамках которой и для обеспечения которой это средство применяется в определенных правовых формах и пределах допустимости конкретного законодательства. Отношение технических средств, в том числе находящихся в свободной продаже (бытовых), к оперативной или криминалистической технике могут определять не собственно средства, а методы, тактические приемы использования этих средств оперативными подразделениями в соответствии с оперативно-розыскным и уголовно-процессуальным законодательством.

При проведении гласных ОРМ можно говорить об использовании технико-криминалистических средств. При этом их отдельные виды в случае конспиративного использования оперативными подразделениями в негласных ОРМ выполняют функцию оперативной техники. Виды специального оборудования, правовые особенности системы ОРМ [10, с. 22–25] и организационно-тактические возможности использования новых средств и методов оперативного контроля для получения оперативно-розыскной информации должны комплексно изучаться оперативно-розыскной наукой.

Аппаратно-программные средства информационно-технического и информационно-аналитического обеспечения включают сертифицированную компьютерную технику, оргтехнику, средства связи и передачи данных, системы обработки информации и управления, банки данных информационно-регистрационных архивных фондов, информационно-поисковые системы, автоматизированные рабочие места, средства защиты информации. Их использование в оперативных подразделениях требует актуального методического сопровождения, выполнения требований режима секретности при сборе, хранении и обработке оперативной информации. Представляет актуальность разработка самостоятельной концепции информационной безопасности оперативных подразделений, которая должна подразумевать фактическую реализацию правовых, организационных, физических, технических, криптографических методов защиты.

Организация, тактика и правовые основы применения информационных, технических, аналитических средств и методов в оперативной работе должны опираться на научные исследования в области ОРД, учитывать инновационные подходы, новые модели и технологии [11, с. 578], оперативно-розыскные особенности и возможности использования систем искусственного интеллекта для повышения качества оперативной работы [12, с. 94–103].

Современные реалии обусловлены криминальной активностью в информационно-телекоммуникационной среде, террористическими, экстремистскими угрозами [13, с. 119–123]. Представляется важным развитие традиционных и новых методов оперативного поиска [14, с. 53–61], улучшение результативности проведения ОРМ с использованием телекоммуникационных технологий, получением компьютерной информации в сетевых ресурсах, в интернет-среде [15, с. 120–123]. Организация ОРД требует использования модернизированных средств и технологий связи для управления оперативными подразделениями, обеспечения своевременного поступления оперативной информации, управления специальными техническими средствами в ОРД. Технологии глобальной навигационной спутниковой системы обусловливают оснащение оперативных подразделений средствами навигации, специальными системами мониторинга и контроля объектов, беспилотными летательными аппаратами для проведения ОРМ. Требует постоянного развития подсистема специальных транспортных средств, оборудованных комплексом оперативно-технических средств, а также подсистема средств безопасности. Необходимо развитие на научной основе современных средств защиты от угроз криминального характера **в рамках мероприятий государственной защиты.**

© Епифанов С.С.

Заключение. Комплексный и системный подходы к научно-техническому обеспечению ОРД позволяют включить в содержание указанной специфической деятельности взаимосвязанные направления:

1) не только создание (проектирование, изготовление) необходимых для ОРД технических средств в рамках выполнения технических заданий на их изготовление и реализацию заявок на поставку в оперативные подразделения (снабжение, сертификация), но также разработку и внедрение научной юридической продукции, отражающей оптимальные правовые основы, специальные способы, методики, рекомендации по использованию технических средств оперативными подразделениями, в которых нуждается практика ОРД;

2) реализацию действенной системы специальной технической подготовки в сфере ОРД, обеспечивающей наличие у оперативных сотрудников компетенций, необходимых для качественного использования технических средств и методов при проведении ОРМ;

3) результативное применение технических средств и методов.

Система научно-технического обеспечения ОРД может рассматриваться не только как совокупность взаимосвязанных подсистем оперативно-технического и технико-криминалистического обеспечения, но также и с включением в указанную систему иных важных подсистем, в том числе инженерно-технического, информационно-технического, информационно-аналитического обеспечения, а также подсистемы обеспечения безопасности, необходимых для выполнения функций оперативными подразделениями в борьбе с преступностью. Это обусловливает перспективные инновационные научные (диссертационные) работы по специальности 5.1.4. Вышеизложенное реализуемо в рамках образованной на междисциплинарной основе частной теории научно-технического обеспечения ОРД. Указанное научное направление, имеющее свой объект и предмет исследования, развивает теорию ОРД в аспекте использования оперативно-розыскных средств.

Список используемой литературы

1. Шаров В.И. Цифровые фотографии, аудио- и видеозаписи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1. С. 266–269. EDN OWRYLL.

2. Энгельмейер П. К. Философия техники. Издательство «Лань» (мировое наследие). ISBN: 978-5-507-37199-0.

3. Гребельский Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. М.: Академия МВД СССР, 1977. 170 с.

4. Щетнев Л.Е. Правовой статус оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы / Л. Е. Щетнев // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 2(2). С. 49–56. EDN ROZDOD.

5. Ткачук Т.А. Научно-техническое обеспечение розыскной деятельности в уголовном процессе России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2011. 41 с.

6. Толмачев Е.Ф. Теоретические основы, правовое регулирование и система организации применения технических средств органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью : лекция. М.: Академия МВД СССР, 1976. 31 с.

7. Хабаров А.В. Исторический опыт применения технических средств обеспечения безопасности осужденных и персонала в уголовно-исполнительной системе России // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 2 (12). С. 16–21. EDN PVKAML.

8. Омелин В.Н. К вопросу о задачах оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях / В.Н. Омелин // Право и государство: теория и практика. – 2024. № 7(235). С. 469–471. DOI 10.47643/1815-1337_2024_7_469. EDN PPLSZW.

9. Ткачук, Т.А. Розыскная деятельность: проблемы и современное состояние научно-технического обеспечения : монография / Т.А. Ткачук ; Т.А. Ткачук ; Федеральная служба исполнения наказаний, Владимирский юридический ин-т Федеральной службы исполнения наказаний. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2010. EDN QSDLLF.

10. Горяинов К.К. Особенности применения законодательных положений при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в местах лишения свободы / К. К. Горяинов, Л. Е. Щетнев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 1. С. 22–25. DOI 10.18572/2072-4438-2019-1-22-25. EDN YSFNRB.

© Епифанов С.С.

11. Шахматов А.В. Эффективные направления использования технологии GEOINT в оперативно-розыскной деятельности / А. В. Шахматов, Р. В. Глубоковских // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 578–582. EDN ZBFPVT.

12. Хромов И.Л. Перспективные направления использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности / И. Л. Хромов, Н. А. Кузьмин, И. А. Завьялов // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире : Сборники научных трудов / Под ред. В.С. Овчинского. Москва : Издательский Дом «Инфра-М», 2021. С. 94–103. EDN XETTDG;

13. Румянцев Н.В. Обеспечение безопасности в учреждениях и органах УИС в вопросах противодействия террористической и экстремистской угрозе / Н. В. Румянцев // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 4 (47). С. 119–123. EDN OXVANB;

14. Пантюхин К.Ю. Овечкин Е.В. Дифференциация выявления и документирования преступлений в сфере алкогольного рынка: методологические основания и практическая значимость // Научные исследования преступления и наказания. 2026. № 1(5). С. 53–61. EDN BIWMIT.

15. Щетнев Л.Е. Современные возможности использования информационно-телекоммуникационных технологий на начальных стадиях подготовки и проведения оперативного внедрения (правовые и организационные аспекты) / Л. Е. Щетнев // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 3(64). С. 120–123. EDN FBQRJZ.

References

1. Sharov V.I. Digital photographs, audio and video recordings in criminal proceedings // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1. pp. 266–269. EDN OWRYLL.

2. Engelmeyer P.K. Philosophy of Technology. Lan Publishing House (World Heritage). ISBN: 978-5-507-37199-0.

3. Grebelsky D.V. Theoretical foundations and organizational and legal problems of operational-search activities of internal affairs bodies: monograph. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977. 170 p.

4. Shchetnev L.E. Legal status of operational units of institutions and bodies of the penal system / L.E. Shchetnev // Scientific studies of crime and punishment. 2025. No. 2(2). P. 49–56. EDN ROZDOD.

5. Tkachuk T.A. Scientific and technical support for investigative activities in criminal proceedings in Russia: author's abstract. diss. … Doctor of Law: 12.00.09 Vladimir: VYU FSIN of Russia, 2011. 41 p.

6. Tolmachev E.F. Theoretical foundations, legal regulation and the system for organizing the use of technical means of internal affairs bodies to maintain public order and combat crime: lecture. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1976. 31 p.

7. Khabarov A.V. Historical experience of using technical means to ensure the safety of convicts and personnel in the penal system of Russia // Criminal-executive law. 2011. No. 2 (12). P. 16–21. EDN PVKAML.

8. Omelin V.N. On the Tasks of Operational-Investigative Activities in Correctional Institutions / V.N. Omelin // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 7 (235). Pp. 469–471. DOI 10.47643/1815-1337_2024_7_469. EDN PPLSZW.

9. Tkachuk T.A. Investigative Activities: Problems and Current State of Scientific and Technical Support: Monograph / T.A. Tkachuk; T.A. Tkachuk; Federal Penitentiary Service, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. Vladimir: VYU FSIN of Russia, 2010. EDN QSDLLF.

10. Goryainov K.K. Features of the application of legislative provisions in the implementation of operational-search activities in places of deprivation of liberty / K. K. Goryainov, L. E. Shchetnev // Criminal-executive system: law, economics, management. 2019. No. 1. pp. 22–25. DOI 10.18572/2072-4438-2019-1-22-25. EDN YSFNRB.

11. Shakhmatov A.V. Effective directions of using GEOINT technology in operational-search activities / A.V. Shakhmatov, R. V. Glubokovskikh // St. Petersburg International Forensic Forum: Proceedings of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, June 10–11, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. pp. 578–582. EDN ZBFPVT.

12. Khromov I.L. Promising Directions for Using Artificial Intelligence in Operational-Investigative Activities / I.L. Khromov, N.A. Kuzmin, I.A. Zavyalov // Operational-Investigative Activities in the Digital World: Collections of Scientific Papers / Ed. by V.S. Ovchinsky. Moscow: Infra-M Publishing House, 2021. pp. 94–103. EDN XETTDG;

13. Rumyantsev N.V. Ensuring Security in Penal System Institutions and Bodies in Matters of Countering Terrorist and Extremist Threats / N. V. Rumyantsev // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. No. 4 (47). pp. 119–123. EDN OXVANB;

14. Pantyukhin K.Yu. Differentiation of Detection and Documentation of Crimes in the Alcohol Market: Methodological Foundations and Practical Significance / K.Yu. Pantyukhin, E. V. Ovechkin // Scientific Studies of Crime and Punishment. 2026. No. 1(5). Pp. 53–61. EDN BIWMIT.

15. Shchetnev L.E. Modern Possibilities of Using Information and Telecommunication Technologies at the Initial Stages of Preparation and Implementation of Operational Implementation (Legal and Organizational Aspects) / L.E. Shchetnev // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. No. 3(64). Pp. 120–123. EDN FBQRJZ.

© Епифанов С.С.